

Мертвые цветы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Дядя
Слово

18+

Дядя Слава

Мертвые цветы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63689061

SelfPub; 2021

Аннотация

Обычный поэт, простой паренек Саша попадает в необычную и сложную для него жизненную ситуацию: на него обрушивается вся тяжесть женского коварства. Он старается найти выход из этой ситуации. Казалось бы, решение уже близко, но что ожидает нашего героя за очередным поворотом судьбы? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Обычное июльское утро	4
Взлеты и падения	9
Что, опять?	27
Из князи в грязи и обратно	32
Старые раны	48
Пой, поэт, песню, пой	61
Замечательный сосед	68
Переезд	81
Все-таки счастье?	100
Забавное происшествие	110
Преддверие тишины	126
Неожиданный гость или удары судьбы	138
Возвращение к истокам	154

Дядя Слава

Мертвые цветы

Обычное июльское утро

– Ой, Вик, ничего эти мужики не понимают, – мечтательно и тяжело вздохнув, Лера встала со стула и направилась к холодильнику. – Торт будешь? Со вчерашнего дня остался.

– Да не, я на диете, – ответила девушке подруга и сделала глоток уже успевшего остыть чая. – Так что там у тебя с этим, как его...

– С Колей? С Колей ничего, мы разошлись, я же тебе говорила. Ой, он вообще такой придурок, что лучше его не вспоминать.

– Да нет, про Колю я помню, этот твой, новый, с работы.

– А, Рома, – Лера мечтательно прикусила губу и закатила глаза. – Все по плану идет. Сейчас мы с ним немного общаемся, он меня иногда подвозит... Скоро он меня куда-нибудь позовет, я сначала немного поломаюсь, а потом как бы нехотя соглашусь. Я уже чувствую, как поймала его, – девушка изобразила кошачью лапу и театрально рыкнула.

– Везет, – вздохнула Вика и опустила взгляд в чашку.

– Ты еще с этим Сашкой мучаешься? Давно уже было пора найти себе кого-нибудь другого, господи. Ты ж девка ого-

го, за тобой, блин, толпы бегать могут, а ты втрескалась в какого-то козла, который на тебя даже внимания не обращает, и тратишь на страдания свои лучшие годы.

– Ничего ты, Лера, не понимаешь... Да и он сейчас не абы кто, его много кто знает, он такой... такой... – Вика не находила слов, а глаза ее наполнялись торжественным сиянием.

Лера закатила глаза, вздохнула и присела на диван рядом с подругой.

– Не переживай ты так. Все будет хорошо, я тебе обещаю, – Лера чмокнула Вику в щеку и повторила, – Может, все-таки по торттику?

– Давай. Дай-то бог, чтоб было хорошо...

Этот день не складывался с самого утра. Обычно я всегда встаю чуть за полдень, потому что спешить мне некуда, но сегодня я вскочил в восемь часов утра и полчаса бродил по комнате взад-вперед, размышляя о том, зачем я, собственно, встал. Ответ на этот вопрос витал в воздухе и казалось, что я вот-вот смогу его поймать, но с каждым разом, с каждой новой попыткой он отдалялся, чтобы приблизиться вновь, но так и не собираясь быть пойманным. В конце концов, я решил, что так, видимо, угодно провидению, поэтому самым грамотным решением в этой ситуации будет просто пойти на кухню и чем-нибудь перекусить.

Когда я уже отдираал пригоревшую яичницу от сковородки, напевая мотив популярной некогда песни, в квартиру,

будто ураган, ворвался Влад.

– Дружище, Санечек ты мой дорогой, этот день разделит нашу жизнь на «до» и «после», – Влад вальяжно растянулся на диване и закурил. Один только его вид говорил о том, что сегодня он в ударе и готов даже ограбить самые надежные банки мира за несколько часов.

Мы знаем друг друга не так давно, всего пять или шесть лет, я точно не помню. Влад появился в моей жизни очень неожиданно. Тогда я ходил с ума от одиночества, хотя в те времена я уже всегда был душой компании. В тот день я один сидел в беседке во дворе и пытался закончить очередную бездарную, как мне тогда казалось, строфу. Он подсел ко мне, не спросив разрешения и даже не пытаясь познакомиться, хотя я готов дать руку на отсечение, что мы виделись впервые!

– Чьи стихи? – задорно спросил он, тыкая пальцем мне в лист, больше похожий на кусок использованной туалетной бумаги.

– Мои. Слушай, валил бы ты...

– Спокойно, – Влад раскинулся так же вальяжно, как сейчас сидел у меня на кухне и закурил. – Я просто давно тебя видел и хотел познакомиться. Ходят слухи, что ты стихи пишешь, а я поэзию очень уважаю.

Уже тогда меня это удивило, ведь о моем увлечении никто не знал – я тщательно скрывал это, потому что все мои творения при прочтении на свежую голову вызывали у

меня только приступы рвоты, острую боль в глазах и обжигающий все внутренности стыд.

– Да разве можно это стихами назвать?

– Можно.

С тех пор мы были не разлей вода и постоянно зависали вместе во дворах, подъездах, на квартире у меня или у него. В целом же он был довольно нелюдим, и я искренне не понимал, как он вообще мог узнать про меня какие-то слухи, если выходил из дома только до ближайшего продуктового. В общем, персонажем он был странным, чем мы и были похожи, из-за чего, собственно говоря, и стали дружить.

И вот, теперь этот субъект, уже изрядно постаревший и отпустивший длинную могучую бороду, курил у меня на кухне и заявлял о чем-то так, будто это действительно дело всей нашей жизни.

– Что такое? – прокашлялся я, присаживаясь на табуретку и закуривая.

– Издатель готов к диалогу и встреча назначена на завтра. Завтра мы идем договариваться за выпуск полного собрания твоих сочинений! Ты представляешь, что это значит?

– Нет, – честно ответил я и улыбнулся. В выражении лица Влада читалось полнейшее разочарование.

– Ну ты и дурак! Это значит, что тебя знают, что тебя любят, что ты скоро станешь таким же великим, как Пушкин, Жуковский, Есенин и все-все-все прочие! Тебя, может, да-

же будут проходить как классика в школах, лет эдак через пятьдесят. Это значит, что скоро ты сможешь не жарить себе яичницу по утрам, а завтракать в дорогих заведениях!

– Честно говоря, мне как-то больше по душе в кабаках выступать, – я сильно мялся, говоря это, ведь Влад всегда пытался добиться максимальных результатов с моими работами.

– Ты совсем что ли с ума сошел? – мой товарищ перешел на повышенные тона. – Ты представляешь, сколько мы выручим, если это пойдет народу? А оно ведь пойдет, и ты прекрасно знаешь об этом! И не думай даже отказываться, – он погрозил мне пальцем. – Этот сборник того стоит, это твои труды, блять!

Тяжело находиться под гнетом такого товарища.

Взлеты и падения

Позавтракав яичницей и выпив чашку кофе, я подумал, что дела все-таки пошли в гору. Ведь действительно, издать полное собрание сочинений – неебически круто!

Я закурил и позволил себе закинуть ноги на стол, в то время как Влад что-то писал в своем ноутбуке. С каждой новой затяжкой мне было все приятнее и приятнее осознавать утреннюю новость. Создавалось ощущение всемогущества, будто я в одно утро выебал весь этот мир. Но одна маленькая деталь все же не давала покоя и терзала изнутри, мешая полностью насладиться моментом и самим собой. Эта мелочь отвлекала от радостных мыслей и постепенно завоевывала пространство внутри головы и тела обратно, разрушая радость и высасывая счастье, будто целый полк дементоров.

Я тяжело вздохнул и взял в руки телефон.

– *Привет*).

Я вздохнул еще раз и отложил смартфон обратно на столешницу.

– Опять ей пишешь? – поинтересовался Влад. – Завязывал бы. Давно уже пора найти себе другую, тем более, что такому, как ты, это вовсе не сложно.

– Да ну тебя, – обиженно ответил я другу. – Ничего ты не понимаешь. Я ведь только из-за нее и пишу эти стихи.

– Ну да, ну да, слышали мы эти истории лет сто назад.

Володя Маяковский, Лиличка Брик. И что он, Вовка, хорошо закончил-то? – Влад посмотрел на меня исподлобья. Выглядел он достаточно раздраженным, хотя понять его можно было.

– Да какая разница, – отмахнулся рукой я. – В этой жизни умереть не сложно, сделать жизнь – значительно трудней.

– А ты считаешь, что сделал жизнь? – он хитро прищурился.

– Ничего я не считаю.

– К чему ты вообще это сказал? – мой друг широко улыбнулся.

– Не знаю, – огрызнулся я и снова взял в руки телефон.

– *Привет. Чего пишешь?*

Сердце немного подпрыгнуло, а я задумался, будто собирался не просто ответить на сообщение, а выступить на важной политической пресс-конференции перед всем населением Земли.

– *Не хочешь сегодня прогуляться вечером?*

Выдохнул, отложил телефон в сторону экраном вниз.

– Долго не гуляй, завтра важная встреча, – не отрываясь от ноутбука, сказал мне друг. И откуда только он постоянно все знает?

– Ты – это я, – улыбнулся он мне. – Шучу. Ну алло, мы с тобой дружим уже хер знает сколько лет, я давно научился понимать тебя и без слов.

– *Во сколько и где?*

– Я встречу тебя у твоего подъезда в восемь.

– Хорошо.

Щеки залил обжигающий румянец. Я чувствовал себя первоклассником, наконец-то осмелившимся понести тяжеленный рюкзак девочки, которая нравится тебе вот уже целых полгода. Правда, моя девочка давно уже большая, рюкзак ее сменился на сумочку, а полгода превратились в долгие и мучительные годы...

Да мы, собственно, и одноклассниками-то не были – Она жила в соседнем дворе, и в школы мы ходили тоже в соседние. Часто уроки кончались одинаково и мы пересекались. Она младше меня на год, но уже тогда, когда ей было тринадцать лет, она пленяла всех своей красотой и характером. Я не годился ей даже в подметки: нелепый подросток с неаккуратными волосами, с которых всегда сыпется перхоть, непропорциональное тело, вечный дурной запах, ставший моим верным спутником, не желавшим меня покидать в течение всего пубертатного периода, плюющийся на все попытки выгнать его, будто надоедливого гостя.

Но как-то так получилось, что все же я смог с ней заговорить. Это стоило мне огромных моральных и физических сил – я продумывал все варианты диалога несколько дней и ночей перед тем, как начать его в действительности. Это очень изматывало меня и, к слову, было абсолютно бесполезно, потому что она сразу же отклонилась от всех прочитанных мною вариантов.

Тем не менее, я подошел к этому дню основательно. С вечера я погладил самую лучшую свою рубашку, вымылся так, что даже стерильное оборудование в дорогуицх платных клиниках могло позавидовать моей чистоте. Волосы были максимально тщательно вымыты и расчесаны, заснул я рано, чтобы точно быть выспавшимся и отдохнувшим в самый важный для меня день.

Все время уроков я нервничал и прокручивал все возможные варианты развития событий. Что, если она даже не станет смотреть на меня и сделает вид, что не заметила? А что, если все вовсе наоборот и я давным-давно ей нравлюсь, а она стесняется подойти или ждет от меня первого шага?

Хотя нет, это, пожалуй, самая бредовая мысль за всю мою жизнь.

Уроки тянулись невыносимо медленно из-за этого, минуты растягивались в часы, а часы в самые настоящие годы. Я чувствовал себя монахом или отшельником, смиренно ожидающим какого-нибудь просветления, ну или что еще там они ждут. Но как только прозвенел последний звонок, внутреннее состояние моментально сменилось на состояние чемпиона мира по спринту и я пулей вылетел из школы.

– П-привет, – слегка запинаясь и нелепо почесывая затылок, сказал я, подойдя к ней. Она захихикала, когда посмотрела на меня и все мое тело покрыли отвратительно холодные капельки пота. Неужели она смеется надо мной?

Неужели я так плох? Может, помял рубашку или с волос снова сыпется перхоть?

– Привет. Ты Саша, да? Видела тебя в соседнем дворе.

– Да, – смущенно ответил я.

– А меня ... зовут. Приятно познакомиться! – она протянула мне руку, и я тут же схватил ее своей потной от волнения ладошкой. – Проводишь?

– Конечно!

Тогда я не верил своему счастью. Мы начали общаться чаще, иногда гулять, и с каждым днем я влюблялся все сильнее.

Время шло, мы общались. Она расцветала все сильнее, а благодаря общению с ней я расцвел тоже. Я вытянулся, согнал лишний подростковый жир, научился ухаживать за волосами и в целом стал более уверенным в себе человеком, заводилой. Но только с ней я всегда был кроток и тих, как мышь, потому что только ее я любил и боялся, потому что знал, что этот человек для меня значит.

Но перейти границу дружеских отношений нам было не суждено. Вернее, один раз мы все же поцеловались, но это не считается – мы оба были в стельку пьяные: праздновали конец учебного года. Она никогда не говорила со мной об этом, а я запомнил этот момент и практически каждый день вспоминал его. И, клянусь, это был лучший момент в моей жизни.

Тем не менее, я был Ей дорог. Она могла доверить мне все

свои секреты, все свои переживания. А я слушал Ее, обнимал, утешал, когда Она плакала, и радовался вместе с Ней, когда у Нее случалось что-то хорошее. Я и сам старался делать это хорошее для Нее и довольно часто у меня получалось. Она привязалась ко мне, но я привязался сильнее. К сожалению, этого оказалось недостаточно.

Потом у нее стали появляться ухажеры. Я очень ее ревновал, но она говорила мне: «Ну, Саш, ты чего? Хочешь, я познакомлю тебя со своей подружкой? Она очень даже ничего и мне кажется, что вы хорошо сойдетесь характерами». Но я не хотел, никогда не хотел.

Потом я сам разорвал с ней общение, аргументируя это тем, что не хочу, чтобы у нее были проблемы с парнем из-за меня: к тому времени они уже достаточно долго встречались и я стал замечать, что он не очень рад нашим с Ней встречам.

Но на самом деле, причина, конечно, была не в этом, потому что мне всегда было насрать на то, что чувствуют ее парни. Я надеялся отвлечься, уйти в стихи, в учебу, забыть ее, найти себе кого-нибудь еще.

И отвлекся. И ушел. И нашел. И вроде как даже забыл, но...

От снов человек убежать не может. От кошмаров – тем более.

Когда она начала мне снится каждую ночь, я перестал спать. Упивался кофе, энергетиками, часами смотрел вся-

кую хуйню в интернете, рубился в игры, учился, писал стихи, гулял с друзьями и другими девушками, но это все равно не помогало – через двое-трое суток без сна я все же падал без сил и мне снова снилась Она. И я ничего не мог с собой поделать.

Через год тишины в эфире наших взаимоотношений я буквально приполз к ней с извинениями, просьбами возобновить хоть малейшее общение, если она, конечно, сможет. Она смогла, но я чувствовал, что что-то в ней переменялось. Переменялось настолько сильно, что я перестал ее узнавать. Она стала больше ругаться, больше времени проводить в компаниях с парнями. Мне было безумно больно, больно и обидно, но я ничего не мог с этим поделать...

Я закурил сигарету, прикурив ее от прошлой. Столько лет прошло уже с тех пор, а ничего, вообще ничего не переменялось. Разве что мы немного подросли, нашли источники заработка, а в целом... Все абсолютно так же.

– Пиво будешь? – Влад задорно открыл банку с холодным напитком и жадно присосался к ней.

– Спрашиваешь, – улыбнулся я и поймал кинутый мне со- суд.

Вечером этого же дня я в назначенное время уже стоял под ее подъездом с букетом цветов и сигаретой в зубах. Черт знает, на что я надеялся каждый раз, когда шел с ней гулять или списывался в сетях – нам обоим давно было понятно,

что между нами ничего не будет и быть не может. Однако ей нравилось играть со мной. Как я уже говорил, нам обоим все было понятно, но иногда она позволяла себе мелкие шалости, в которых по уши влюбленный человек может разглядеть все, что захочет: отправленное в ответ на поздравление сердечко, поцелуй в щеку, прогулки за руку. Я прекрасно, прекрасно, блять, понимал, что для нее это ничего, совсем ничего не значило, но каждый раз, когда она делала что-то подобное, я весь будто растекался и плавился, а потом изгрызал себя мыслями, а бумагу терзал строчками.

В этот раз она, как и всегда, опаздывала. Я терпеливо ждал, пока она выйдет, закуривая одну сигарету за другой. Жар от асфальта подогревал воздух вокруг, и даже несмотря на то, что был уже вечер, спина и лоб изрядно потели. Вдруг телефон провибрировал и я полез проверять сообщение.

– Прости, сегодня никак. Ко мне Никита приехал неожиданно, я же не могу его выгнать из квартиры. Если хочешь, подходи часа через два.

Я оторопел. Все внутри меня рухнуло в очередной раз. Боль бурным потоком, подобным течению горных рек, растекалась по всему телу и, пульсируя, только увеличивалась в масштабах. Казалось, что меня вот-вот разорвет. Из глаз брызнули слезы. Трясущиеся руки полезли в карман за пачкой сигарет, но она оказалась уже пуста. Я сел на лавочку, бессильно закрыл лицо руками и зарыдал.

aspera

ad

astra

1

Неизвестно, сколько точно прошло времени – я не находил в себе силы посмотреть на часы. Самому же казалось, что прошла уже целая вечность.

Я принял решение. Оно было сложным, но я уже смог принять его однажды, значит, смогу и в этот раз.

Я медленно и немного робко, будто бы сомневаясь, пошел к двери подъезда, где жила она. Домофона тут не было, так что я без труда проник внутрь и направился к ее квартире.

Руки тряслись, голова гудела, зрение немного ухудшилось из-за опухших от слез глаз. Несмотря на все это, я был полностью уверен в своих поступках и действиях.

Хватит! Она не одна. Совсем не одна. Далеко не одна. Я заменю ее другой. А лучше – многими другими.

Квартира ее была на первом этаже, но шел я довольно долго, потому что принятое решение было очень и очень тяжелым, и это мой организм ощущал это так, как не ощущал, наверное, ничего до этого.

Добравшись, наконец, до точки своего следования, я извлек зажигалку из кармана и принялся жечь цветы, что хотел подарить ей. Гореть они не хотели, ведь были все еще живыми, и влага то и дело стекала с концов стеблей мне на

¹ *Через тернии к звездам.*

руки. Но я был тверд в своих желаниях и мне все же удалось сильно опалить их. Я положил цветы под дверь, достал из рюкзака тетрадь, вырвал листок и написал: «Мертвые цветы в большую квартиру за номером три в ознаменование конца одного из самых трагичных этапов моей жизни». Не знаю, поймет она, кто это написал и что все это значит – это не важно. Важно то, что я решился все поменять.

На следующее утро я был уже бодр и свеж, будто ничего не произошло, а если и произошло, то точно не со мной. Я поджаривал блинчики, ловко переворачивая их на сковороде, и покурил утреннюю сигарету. Влад еще не пришел, и я надеялся, что он придет попозже – сейчас на моей кухне царила полная идиллия. Негромкая музыка срывалась с динамика телефона, сковородка приятно трещала маслом, в голове было пусто. За всеми этими звуками и ощущениями скрывалась огромная боль в груди, которую я упорно старался не замечать и у меня даже что-то выходило.

Музыку прервал звук уведомления в телефоне, я прочел его и расплылся в улыбке. Сегодня вечером встречу с девушкой, которая мне вроде бы понравилась.

В дверь постучали. Я крикнул: «Открыто», потушил сигарету и бросил бычок в пепельницу.

– Эгей, готов, Пушкин? – залетел на кухню Влад, привычно дав мне краба и приобняв.

– Всегда готов, – ответил ему я, раскладывая блинчики по

тарелкам. – Ты есть будешь?

– Не, брат, я завтракал. Лучше сам ешь, ведь великим поэтам России нужно хорошо питаться, – он заговорчески улыбнулся и закурил.

– Как хочешь, – пробурчал я в ответ, уже жуя блин, густо политый сгущенкой.

– Только сильно не затягивай. Нам выезжать через полчаса, а ты еще даже не одет.

– Угу.

– А ты задумывался над твоим разговором с этим редактором? Вдруг он начнет тебя как-то испытывать или вообще окажется полной мразью.

– Неа.

– Тьфу, блять, дятел. О чем ты вообще думаешь?

– О том, как сегодня с бабой пойду прогуляться, – ответил я и принялся за очередной блин.

– До кровати? – подмигнул мне Влад, туша сигарету и пристраиваясь на стуле.

– Мовэт и так, – улыбнулся я ему, обнажая открытый рот, полный пережеванных блинов.

– Ладно, казанова, надеюсь, все пройдет удачно. Собирайся уже, а то жирным так станешь!

– Как будто тебя ебет мой внешний вид, – ответил я другу, довольно вытирая покрытые жиром, блестящие губы. – Через пятнадцать минут буду готов.

И действительно, спустя пятнадцать минут я уже был по-

мыт, выбрит, одет в свой лучший (да и единственный, на самом-то деле) костюм, и выходил из квартиры, запирая ее на замок.

– Ну что, брат, готов ехать навстречу успеху? – улыбаясь, спросил меня Влад, пристегивая ремень и надевая солнечные очки.

– Всегда готов, как пионер.

– Тогда поехали, труба зовет, – сказал он, резко дал по газам и мы помчались по полупустой дороге.

Доехали мы быстро – светофоры всегда попадались зеленые, да и Влад аккуратной ездой никогда не отличался. Иногда мне было страшно за свою жизнь, когда я сидел на пассажирском кресле, а этот тип гнал под сотку в городе, зная, что нам через сто метров заходить на кольцо. Меня буквально вжимало в спинку, когда Влад сильно разогнался, и било головой о торпеду, когда мой друг резко сбрасывал скорость и тормозил. В этот раз без происшествий не обошлось – я пару раз ударился головой, когда перевязывал шнурки на туфлях.

– Не дрова везешь! – кричал ему я, потирая ушибленное место, на что он отвечал мне что-то вроде «Прорвемся» и раз за разом повторял все те неаккуратные и противоречащие правилам дорожного движения действия.

– Приехали, – радостно оповестил меня Влад, а я только кивнул головой и постарался скорее покинуть машину – меня сильно тошнило и я боялся заблевать товарищу весь салон.

– Вот нам туда, – он показал мне здание бизнесцентра. –
Пятый этаж, павильон пятьсот десять.

– Отлично. А перекурить не успеем?

– У него и покурим, – подмигнул мне Влад и с прытью бешеного осла рванул ко входу в бизнесцентр.

– Куда же ты так спешишь, придурок, – пробормотал я, догоняя товарища.

– Сам придурок, – наигранно обидевшись, сказал он, придерживая мне дверь. – Великие умы проходят первые. Я только раздосадовано хмыкнул и вошел внутрь.

Здесь я уже бывал пару раз – этот центр был таким же, как и миллионы других, разбросанных по всем городам нашей необъятной. Павильоны тут были самыми разными – от каких-нибудь фотостудий, печатающих картинку на кружках, до мест обитания и работы серьезных компаний. Хотя, наверное, даже эти студии неплохо зарабатывают.

– Пес, нам вообще-то к лифту, – Влад показал пальцем направление движения и я покорно пошел в ту сторону.

Когда мы все-таки добрались до лифта, Влад уже насвистывал какую-то песенку и только по одному его виду было понятно, что его день удался. Я же сконфуженно пытался прятать лицо в рубашку, потому что нервы мои были на пределе – с редакторами я никогда не общался, да и мне, собственно, не хотелось этим заниматься.

– Ссышь? – вывел меня из транса голос друга. Я огляделся и понял, что уже стою в лифте.

– Ссу, – честно ответил я.

– Не ссы, – бодро ответил мне Влад и подмигнул.

– Легко сказать, – повел я плечами.

Лифт сделал дзынь, оповестив нас о том, что пора уже выходить, что мы, собственно говоря, и сделали.

– Пора, товарищ Санек, поднимать в стране культурную революцию! – Влад торжественно повел пальцем. – Давай, двигай, в конец коридора и направо.

Я покорно побрел в указанном направлении, стараясь шагать помедленнее и оттянуть момент встречи, но Влад настойчиво толкал меня вперед. Меня это раздражало, но еще больше раздражало ощущение приближающегося разговора, поэтому я терпел и продолжал тянуть. К сожалению, ничего не бывает вечным, и дверь кабинета появилась прямо перед моим носом. Влад постучался, получил ответ «Войдите» и снова открыл дверь передо мной. Я набрал воздух в грудь и вошел.

– Здравствуйте, – начал я, прокашлявшись.

Редактор был внешне чуть старше меня, совсем ненамного. Не сказать, что мне стало от этого легче, даже, скорее наоборот – от него зависела дальнейшая судьба собрания моих сочинений, а это дорогого стоит. Пожалуй, я задумался об этом только сейчас, в последний момент.

– О-о, так, Вы, значит, Александр? – обратился ко мне редактор, прервав полет моей мысли. – Здравствуйте, здравствуйте, очень рад!

Он кинулся жать мне руку, чуть ли не начав меня расцеловывать. Я растерялся от такого приема и был сильно смущен. Влад же стоял возле двери, а редактор то ли правда его не заметил, то ли делал вид. Правда, я не знаю, как можно было не заметить такую огромную бородастую дылду.

– Присаживайтесь. Вы по поводу издания на бумаге, верно?

Не успел я ему ничего ответить, как редактор начал перебирать какие-то бумажки, рукописи и документы.

– Ах, извините, забыл представиться – меня зовут Виктор Алексеевич, а для Вас – просто Виктор, – и снова стал рыться в бумагах.

– Очень приятно, – мы с Владом синхронно ответили и я улыбнулся. Мне становилось все легче и легче находиться здесь, я чувствовал себя более раскрепощенным и постепенно стал превращаться в самого себя.

– Извините, Виктор, а можно закурить? – обратился я к редактору, почувствовав, что поймал волну и больше не нервничаю.

– Вообще-то здесь не курят, – насупился редактор. – Но, пожалуй, ладно. Только быстро и пепел не разбрасывайте по комнате.

– Огромное Вам спасибо, – ответил я, уже сладко затягиваясь. Влад тоже прикурил сигарету и мы с ним задорно переглянулись.

– А, вот, нашел, – начал Виктор, прокашлявшись. – Зна-

ете, стихи великолепные, просто отличные, это редкость для нашего времени. Но есть одно замечание – много мата, в некоторых стихах даже слишком много. Вот если бы можно было заменить его на обычные слова...

– Но постоите, – я поперхнулся дымом и крепко закашлялся. – Ведь мат придает стихам особый шарм, делает строки более меткими, чувственными. Никак нельзя, никак нельзя убрать мат из моих стихов!

– Я все же настаиваю на том, чтобы заменить слова, но с одной оговоркой.

– И что за оговорка?

– Дело в том, что мат накладывает возрастные ограничения на покупку книги, а это влияет на человека еще и психологически. Какие-нибудь родители, конечно, купят своему ребенку-подростку такую книжку, а кто-то и запретит. Я предлагаю заменить мат в книге на обычные слова, но где-нибудь на форзаце или на первой же странице, где появится нецензурщина, сделать пометку. Что-то вроде «Прим. авт.: слово заменено с целью цензуры, все подобные ругательства следует заменять на нецензурную брань». Если Вас это устроит...

– В принципе, наверное, вполне да... – неуверенно протянул я.

– Да, нас утроит, – твердо ответил Влад. Он уже вальяжно развалился на стуле и, казалось, готов был даже закинуть ноги на стол. Виктор снова игнорировал его, как и тогда, у

двери. Поэтому мне пришлось повторить реплику товарища слово в слово.

– Вот и ладушки. Я займусь обработкой стихотворений и сообщу Вам, когда будет готово.

– То есть Вы готовы меня издать?

– Да, вполне, – редактор непонятливо пожал плечами и неуклюже улыбнулся.

– Отлично, отлично, как же, черт возьми, хорошо! – завопил я.

– Спокойно, друг, спокойно, – успокоил меня Влад и я сел обратно на стул, хотя и все внутри меня ликовало и орало от счастья. Странно, что до визита к этому редактору мне было довольно-таки все равно на происходящее.

– Я Вам позвоню на следующей неделе в понедельник или вторник, с девяти до часу. Тогда и договоримся о следующей встрече. Согласны?

– Да, вполне. Будем ждать Вашего звонка. Значит, до свидания?

– До свидания, – Виктор пожал мне руку и я довольный вышел из кабинета. Влад выглядел загруженным. Затем мы вышли из лифта, из бизнесцентра и сели в машину.

– Меня опубликуют!

– Да я знаю, знаю, – тот улыбался, прикуривая и заводя машину. – Только на меня, мразь, совсем внимания не обратил, будто я стеклянный какой-то.

– Меня опубликуют, – сказал я тихо, закрыл глаза и рас-

плылся в улыбке, проигнорировав слова друга.

Что, опять?

Вечером я сидел в любимом кабачке и ждал девушку, потягивая пиво из бокала. Жизнь потихоньку налаживалась, и за небольшой суетой происходящих событий я только изредка успевал думать о потраченных годах своей жизни и жгучей боли в груди.

– А все-таки хорошо, когда в заведении курить можно, – сам себе сказал я и блаженно закурил.

Она опаздывала уже на полчаса и меня это огорчало. Я-то думал, что они не все одинаковые, но, видимо, ошибся. Настроение немного подпортилось и я заказал еще пива. Одному сидеть было одиноко и мысли все чаще лезли в голову. Я отгонял их, отгонял, но они были назойливы, будто осы, слетевшиеся на упавший кусок мороженого.

– Привет, прости, я засобиралась просто, немного потерялась во времени, – она села напротив меня, появившись слишком резко, будто снег, упавший на голову.

– А, да ничего страшного, не волнуйся, – я широко улыбнулся и махнул рукой, развеивая оставшиеся грустные мысли. – Тебе взять чего-нибудь?

– Коктейль какой-нибудь, – она улыбнулась мне в ответ.

– Без проблем, – ответил я и подозвал официанта.

– Ты сегодня поразительно прекрасна, – сказал я девушке, прикурив сигарету. – Ты чего так далеко села? Присаживайся.

вайся рядом.

Я аккуратно отодвинул стул, приглашая туда девушку.

– Тут гораздо уютнее, – сказала мне она, уже пристраивая свою голову мне на плечо.

– И то верно. Так, может, все-таки расскажешь что-нибудь?

– Что я могу рассказать, когда рядом со мной сидишь ты, – мурлыкнула девушка, а я поймал себя на мысли, что забыл, как ее зовут.

– Эх ты, – улыбнулся я и чмокнул ее в лоб.

– Целуешь не туда, глупенький, – девушка показала пальцем на губы, и я смекнул, что пора действовать.

– А я не понял, это что за пидорас? – неприятный крик заставил меня оторвать губы от губ девушки и отреагировать на раздражителя.

– Ты неправильно все понял, Дима!

Такого поворота я не ожидал. Одновременно было и смешно, и как-то даже немного грустно, потому как и ростом, и размерами мышц этому Диме я проигрывал, причем проигрывал знатно. Но делать было нечего, да и время кончалось – парень уже заносил руку для удара. Я моментально собрался, схватил вилку со стола и с бешеным криком воткнул ему ее в бок. Однако, Дима не повел и пальцем.

– Ну вот и нахера ты драться остался, – спросил Влад, заволакивая меня в квартиру. – Ты же видел, что он шкаф, ты

кем себя возомнил, Джеки Чан?

– Отстань, – я еле-еле смог ответить товарищу. Кровь из десны и разбитой губы заполняла рот, сломанный нос сильно болел и кровь из него стекала по лицу и капала на воротник, на живот и на пол. Травмы мои можно было перечислять долго: фонари под обоими глазами, один из них заплыл, рассечение брови, сломанный нос, разбитая губа, выбитый зуб – и все это только на голове, не говоря уже про отбитые почки с печенью и так далее, и тому подобное.

Вытащил меня из этой передраги Влад, когда опрокинул стол на ногу этому Диме. Идти я тогда еще мог сам, но это было очень и очень сложно. Я так и не понял, как он там оказался, но задавать вопросы не было сил. Он посадил меня в машину, попытался даже остановить мне кровь. У него даже это получилось, правда спасло не сильно – минут через десять кровотечение возобновилось.

В квартиру я уже заползал, потому что у Влада не было сил тащить мою тушу – даже такие здоровые мужики иногда устают.

Сам не поняв как, я все же оказался на диване с обработанными ранами. Глаз все еще не видел и судя по всему начнет видеть только спустя пару дней. Главное, чтобы выходить никуда не надо было.

Трясущимися руками я прикурил и повернул голову на Влада. Приглядевшись, я понял, что он тоже весь побитый и его глаз выглядел ровно так же, как и мой.

– Тебе что, тоже придурок этот навалял?

– Сам как думаешь? – Влад закурил и принялся что-то варганить на кухне. – Что пиздить-то полез?

– Да с бабой я его целовался, – я сделал паузу на затяжку, – хорошая баба. Жаль, что дальше не успели ничего.

– Тогда бы он тебе еще и яйца вырвал, – гыгыкнул Влад, ставя тарелки в микроволновку. – Ну ничего, тебе не привыкать. Пушкина за такие приколы вообще застрелили.

– А ты не сравнивай меня и Пушкина, мне до него как раком до Китая. Что в плане баб, что в плане стихов.

– Да ладно тебе, угомонись. Водку будешь?

– Спрашиваешь.

Через полчаса мы уже сидели изрядно пьяные. Комната была мутная из-за обилия табачного дыма. Хоть топор вешай, как говорится.

– А вообще, пошла она. Заебался я уже за ней ходить туда-сюда за ней, пока ей другие в жопу пихают. Надоело мне, понимаешь. Устал. Сколько лет я уже на нее потратил, сколько лет? Нет уж, все, хватит, – я махнул рукой и задел бутылку. Влад сморщился, но тут же ее поймал.

– Аккуратнее махай своими культями, – и затянулся. – Я думаю, ты правильное решение принял. Только если жалеть потом не начнешь.

– О чем жалеть? Дура она, да и я дурак. Нахера я за ней так долго бегал, вот скажи? Неужели и правда верил, что шансы есть какие-то? А она зачем меня держала? То в щеку поце-

лует, то выговориться ей надо, а пойти не к кому. Но знаешь, это все херня. Вот за что я ей благодарен, так это за то, что я бояться всего перестал. И к бабе нормально подойти могу, и за базар-то в целом ответить.

– Ага, ответить, – Влад зашелся в приступе смеха, но тут же закашлялся от боли – видимо, по ребрам его тоже попинали неплохо. – То-то я тебя сегодня такого битого забирал, отвечальщик хуев.

– Друг называется еще.

– Да ладно, ладно, шучу я. Хорошо все будет, я тебе говорю. Только правда, Сань, ты если решился, так не жалея об этом, прошу тебя. Жалеть не будешь – пройдет, время вылечит. Ну а если все-таки будешь, тут тебе даже Бог не поможет.

Я уныло опустил взгляд и прикурил сигарету.

– А вообще, есть ощущение, что мне всегда не везет. Ты бабу успел сегодня заметить? Такая баба, закачаешься. Я бы ее и так, и эдак, и уже вроде бы все, сама на меня полезла, а тут этот приперся. Почему всегда так, а? Почему опять?

– Не зацикливайся. Давай лучше еще по одной.

– Давай, – я махнул рукой. – Вот и день заканчивается. Типичный день типичного неудачника.

Я выпил стопку водки, закусил и сам не заметил, как вырубился прямо на столе.

Из князи в грязи и обратно

С той ситуации прошла целая неделя. Сечка на брови уже почти прошла, фингалы сошли, глаз раскрылся и стал видеть. Ливер все еще немного побаливал, а сломанный нос было непривычно видеть в зеркале. Влад вроде бы вправил мне его, но небольшой изгиб все равно был замечен, уж по крайней мере мне. Эту неделю я провел спокойно сидя дома, покуривая сигареты и попивая пивко. Изредка брался за стихи, но они либо не шли вообще, либо шли довольно плохо, поэтому за семь дней я родил всего лишь две строфы. Они были в целом неплохи, но можно было бы и лучше, так что я не сильно радовался.

Влад ко мне зашел всего три раза, но я не сильно расстраивался, потому что успел договориться с несколькими новыми девушками на встречи. На этот раз я точно удостоверился по поводу наличия или отсутствия парня и выучил все имена – в этом я особенно преуспел и даже не путал их в диалогах. Расписание из-за девушек было плотным, поэтому меня настораживало только то, что редактор до сих пор мне не позвонил – визит к нему вряд ли будет долгим, но он очень важен для моей дальнейшей работы. Собственно говоря, по этой причине я решил набрать ему, но телефон он не брал. Это сильно меня напрягло и я принял решение поехать к нему самостоятельно.

– Алло, брат, сможешь подкинуть до бизнесцентра?

– Да, без проблем, через десять минут подскочу.

За это время я успел собраться: оделся так же, как и в прошлый раз, только на этот раз был небрит, рубашка была мятой и застегнута не на все пуговицы, галстук безвольно болтался, будто удавка, связанная неопытным палачом.

– Привет.

– Здорово, – ответил мне Влад и привычно резко дал по газам. – Зачем к нему? Он позвонил?

– Да в этом и проблема, – сказал я, закуривая, – этот придурак что-то не торопится, хотя прошло уже больше недели. А таким порядочным казался.

– Ты тоже сегодня не кажешься, – ухмыльнулся мой товарищ, кинув на меня взгляд из-под солнечных очков.

Я только тяжело вздохнул и вжался в кресло всем туловищем.

Пока мы ехали, я успел договориться сегодня о встрече с какой-то Викторией. Мы общались уже пару дней, как и с остальными тремя новыми бабами, но я решил ее выбрать первой, потому что был твердо уверен в том, что мы уже где-то виделись раньше. Я никак не мог вспомнить где именно, но ощущение было настолько всеобъемлющим, что спорить со своей интуицией ну никак не хотелось.

– Приехали, – сказал Влад и отстегнул ремень безопасности.

– Ну сейчас я ему устрою, – зло сказал я, подкатывая ру-

кава.

– Смотри, чтобы он тебе не устроил, как в том кабаке, – гыгкнул Влад.

– У самого-то глаз давно прошел? – огрызнулся я. Товарищ только выпятил нижнюю губу, пробормотал что-то вроде «Справедливо» и побрел за мной.

На этот раз я был более уверенным в своих целях, да и в целом чувствовал себя довольно свободно. У лифта и на этот раз никого не оказалось. Я счел это странным, потому что сейчас был самый разгар рабочего дня. Неужели у бизнесцентра нет посетителей, а работникам не нужна сновать из павильона в павильон?

– Готов? – спросил меня Влад у входа в кабинет.

– На похуй, – улыбнулся я и вошел без стука.

– Здравствуй, редактор, – бодро начал я, но мой запал немного остыл после того, как я увидел на месте Виктора какого-то другого, незнакомого мне доселе мужика.

– Здравствуйте, – отстраненно ответил он, поправляя очки. – Чем обязан?

Этот мужик напрягал меня. Он выглядел каким-то злым, выражение его лица не сулило ничего хорошего, да и разница в возрасте у меня с ним была больше, чем с Виктором. В целом, он был обычным толстым мужичком солидного такого возраста – 40-50 лет, угадать трудно. Седина уже атаковала его волосы, точно так же, как и лысина – затылок его был плешив и практически лишен даже какого-то намека на расти-

тельность. На лице красовались шикарные усы, нос картошкой, пухлые губы. Обычный дед, вроде бы, но что-то в его внешности отталкивало меня, заставляло чувствовать подвох. При более детальном рассмотрении я заметил кривую, злую ухмылку, нездоровый блеск поросячьих глаз и черные зубы – в некоторых местах даже скорее гнилые пеньки.

– Я тут оставлял свои стихи для редакции, меня должны были издать на бумаге, полное собрание сочинений.

– Ах, Александр, неужели это Вы? – со странной улыбкой начал мужик. – Да-да, наслышан, наслышан. Только вынужден Вас огорчить – редакция изменила решение и стихи Ваши выпущены не будут.

– Почему? – несколько наглым тоном спросил я.

– Да потому, – мужик вальяжно закурил и блаженно выпустил дым в потолок. – Туфта это, а не стихи. Пора цензурировать литературу, как это было в мое время. А то стали издавать всякую дрянь, – с этими словами он кинул какую-то папку на стол. Вокруг поднялась небольшая куча пыли. – Издают дерьмо, а потом все кидаются писать. Все, все, абсолютно все пытаются начеркать свои говно-строки и накатать их на бумагу в дешевом мягком переплете, в надежде срубить легких денег, ведь это же так легко – писать, а потом издаваться.

Я закурил.

– Здесь не курят, – улыбнулся он мне, стряхивая пепел в пепельницу.

Я повел бровью.

– Вы действительно считаете, что кто-то будет это читать, а? Этот придурок, что был здесь до меня, Виктор, кажется, или Виталий, точно не помню. Он ничерта не понимал в литературе, понимаете, ни-чер-та! Правильно его уволили. Такие, как он, заслуживают только очки драить за такими же говнюками, как Вы, Александр. Ведь Вы тоже ничего не понимаете в поэзии. Что за рифмы, что за строфы, Боже мой! А еще и тезка Пушкину, Блоку, тьфу. Да Вы...

– Да что я?! – я не дал ему договорить, перевалился через стол и схватил мужика за грудки. – Что я, сволочь? Ты хоть строку, хоть одну строку написал в своей жизни, а? Какое право ты имеешь так говорить о Викторе, обо мне, о всех других, кто пишет? Чего ты добился, мразь? Это ты ничерта не понимаешь, ни в литературе, ни в жизни, ты меня понял?!

– Я бы Вас попросил...

– Нечего меня просить, – раздраженно, сквозь зубы говорил я. – Ты, крыса кабинетная, сам ничего сделать не можешь, вот и пользуешься местом, чтобы других в грязь втоптать, в говно, чтобы и другие ничего сделать не могли. Ты их на свой уровень пытаешься поставить, а они выше тебя! Даже самые ничтожные книги имеют право на издательство. Даже самое плохое чтиво должно быть, потому что это литература! Пусть не великая, но это творчество, творчество, понимаешь? И каждый должен творить, а не только потреблять, ты понял меня, урод? Понял меня, я спрашиваю?!

– Понять-то я понял, – он аккуратно убрал мои руки с ворота рубашки и продолжил. – Только все равно я тебя не напечатаю. Ни за что. Не в этой жизни.

– Да пошел ты, – я плюнул куда-то в его сторону, развернулся и, хлопнув дверью, вышел.

– Лерка, Лерка, я такая счастливая, – Вика вприпрыжку нарезала уже, наверное, тысячный круг по комнате.

– Да что случилось-то? – девушке уже немного поднадоело слушать и видеть одно и то же – Вика игнорировала все ее вопросы, будто погрузившись в свой выдуманный мир, и эта фраза была последней попыткой вывести подругу из транса.

– Он позвал меня встретиться сегодня! Я целую ночь ждала его сообщения, целую ночь почти не спала! Лер, Лер, помоги собраться, а? Ну пожа-а-алуйста, – Вика сделала щенячьи глазки и сердце Леры растопилось – девушка очень сильно любила милости и была весьма и весьма впечатлительна.

– Да хорошо, хорошо. К тебе поедем?

– Да, да! Блин, ты не представляешь, каково это! Он так давно мне нравится, я так давно об этом мечтала... И вот он сам, сам, понимаешь, пишет первым! И гулять зовет тоже! Как думаешь, как пройдет этот вечер? Я уже миллиард вариантов придумала, наверное... А вдруг я ему не понравлюсь???

– Успокойся, прошу тебя, – Лера обняла подругу и погладила по голове. – Ты же самая красивая, как ты ему можешь

не понравиться?

– Не знаю...

– Ну и урод этот новый, просто сволота, – сказал я Владу. Сделать это было сложно – язык заплетался от такого большого количества пива, которое я вливал в себя уже на протяжении двух часов.

– Редкостный, – Влад стукнул своим стаканом мой и допил до дна. – Слушай, а тебе разве никуда сегодня не идти?

Я на секунду растерялся и посмотрел на часы. Действительно, совсем скоро мне надо быть в кабачке, чтобы встретиться с этой Викой, а я совсем-совсем забыл об этом.

– Пфффф, – только и смог выдавить я из себя и закатил глаза. – Мда.

– Собирайся, упырь, – сказал мне друг и закурил. – Я подброшу.

– Да ты же пьяный, ты что? – я ненашутку перепугался. Манера вождения трезвого Влада оставляла желать лучшего, а тут он еще и под градусом. Я, конечно, любитель приключений, но это как-то слишком круто.

– Да ладно, не ссы, прорвемся.

Я бодро побежал в душ, пытаясь скинуть с себя все алкогольное опьянение. Получалось плохо. Пиво, конечно, не такое уж и крепкое, но когда выпиваешь много, достаточно и такого малого содержания спирта.

Секунду. А откуда Влад знает, что мне надо на свидание?

Я ведь ничего ему не говорил...

В душе включил холодную, даже ледяную воду. Помогло, но совсем немного. Почистил зубы, стараясь спрятать перегар. Теперь изо рта пахло пивом и мятой. Съел из холодильника кусок масла. Немного отпустило, но оно было жирным, поэтому даже немного затошнило.

– Кофе горячего попей, – Влад заботливо поставил передо мной кружку. К удивлению, он выглядел гораздо лучше меня, и было довольно сложно сказать, что десять минут назад мы вместе бухали.

– Ладно. Слушай, а откуда ты знаешь про встречу? Я же не рассказывал тебе об этом ничего.

– Мы с тобой – одно целое, брат. Давно ведь знакомы, я тебя знаю, как себя самого, – Влад подмигнул мне. Я не поверил в это, но решил, что, видимо, все-таки сболтнул по пьяни.

Все сегодня идет не так – редактор мудака, забыл про встречу и нажрался, так еще и обжег язык и щеки.

– Успокойся, брат, все будет хорошо, – Влад надел солнечные очки, закурил сигарету и закрыл за мной двери. – Сейчас вмиг долетим до кабака и будет тебе счастье. Смотри только, как до кровати доберетесь, к тому моменту протрезвей.

– Как скажешь.

Прошло буквально двадцать минут и я уже заходил в кабак. Играла тихая, ненавязчивая музыка, люди привычно сидели, курили, пили и ели. Я пробежался глазами по помеще-

нию в попытках найти одинокую девушку, но пока получалось не особо – зрение немного поплыло, а самого немного замутило. Вдруг она сама помахала мне рукой и я поспешил занять место рядом с Викторией.

– Прости, что задержался, – я начал нелепо оправдываться, но ей, кажется, было все равно. – Забегался просто, ездил к редактору, а его там сменили, куча проблем, в общем, вот...

– Ничего страшного, – она мило хлопала ресничками и выглядела так мило, как будто была олицетворением красоты на Земле.

Я присел рядом с ней, заказал два пива и закурил.

– А что случилось у редактора? – она поставила локти на стол, а голову вложила в поднятые ладони.

– Да... На прошлой неделе был у него, вроде как все хорошо было, обещал издать, осталось только подредактировать немного там. Сказал, что через недельку наберет. Ну и я, довольный, сидел, ждал у моря погоды, а он все не звонит и не звонит, не звонит и не звонит. Я ему сам набрал, а он не берет. Заподозрил я неладное и вот, сегодня внепланово выехал к нему с другом своим, он мне как брат. Так вот, приехали мы к нему, заходим, а там другой мужик сидит. Я ему говорю, значит, что я такой-то да такой-то, а он меня, считай, послал. Не буду, говорит, тебя издавать и все тут. Уперся рогом и стоит довольный. Облил говном всех авторов современных. Ну я его за грудки, сказал пару ласковых, да и

ушел ни с чем. В общем, обломалось с изданием. Такие дела.

– А жаль... Классные стихи, правда, очень хорошие!

– Откуда знаешь? – я нахмурился.

– Да тебя много кто знает, – она мило улыбнулась. – И стихи твои тоже. Их в интернете полно. Я их много-много прочитала, почти все, наверное.

– Сомневаюсь, – я улыбнулся ей в ответ.

Она создавала ощущение влюбленной девушки, но я боялся делать скоротечные выводы – дело неблагоприятное. Я не планировал вступать в какие-то серьезные отношения, и эта встреча была организована, собственно говоря, исключительно ради развлечения и секса в конце.

– Ваше пиво, – официант принес два бокала и я, не мешкая, тут же заказал еще четыре и закуски. Он понимающе кивнул, записал все и ушел восвояси.

– Долго несут, – справедливо заметила девушка.

– Что есть, то есть. Но, в целом, заведение отменное. Я здесь частенько бываю, – я отхлебнул пива и стало немного легче.

– Хорошо, что мы встретились, – Вика тоже отхлебнула из бокала, но перестаралась и выдула половину. Я удивился такой прыти, но решил не отставать и снова приложился к напитку.

– Извини, – девушка смутилась и щеки ее загорелись румянцем. – Я просто немного волнуюсь...

– А ты не волнуйся, – подмигнул я и нежно положил свою

ладонь на ее. – Я же не страшный.

– И правда... – девушка смутилась еще сильнее, опустила взгляд и поправила волосы. За ними прятались красные, будто помидоры, уши. Меня это позабавило, но вместе с тем я счел это милым и понял, что нахожусь на своем поле – Вика явно стесняется и побаивается, поэтому я могу стать хозяином положения и вести ситуацию.

– Ты куришь? – спросил я ее, доставая сигарету из пачки.

– Нет, – почти шепотом ответила она. Казалось, с каждой секундой ее щеки становятся все краснее и краснее.

– Я очень много курю, когда день выходит не очень, – пояснил я девушке особенности своей зависимости и легонько приобнял ее. – Не нервничай, пожалуйста, ты меня этим смущаешь. Просто расслабься и будь собой. В конце концов, мы уже встретились, и пути назад не будет. Ну, в смысле, я тебя не держу, но если ты хотела встретиться, то сама вряд ли захочешь уйти.

– Да... – Вика все равно окончательно закрылась, но прильнула ко мне. Я подвинул свой стул поближе к ее, потому что иначе она вполне могла бы свалиться в пропасть, которая была изначально ими образована.

– Попей еще пивка, – я подставил ей бокал и взялся за свой, плотно присосавшись к нему. – Говорю же, хорошее заведение. Пусть не очень быстро приносят, зато какое качество!

– Великолепное, – девушка улыбнулась и посмотрела на

меня.

Я смотрел в ее глаза. Они были пронзительно голубые, будто самые чистые воды океанов, самые нежные лазури с красок художников и самого создателя собрались там, чтобы сегодня удивить меня. Я смотрел в них, смотрел...

Но что-то пошло не так. Цвет глаз резко изменился на до боли знакомый карий, а черты лица стали принимать образ, который я так тщательно пытался забыть. На меня смотрела не Вика. На меня смотрела Она.

Я дернулся.

– Что-то не так? – Вика явно распереживалась, и мой не очень-то приличный жест заставил ее сильнее нервничать.

– Да нет, прости, просто... заработался сегодня, – я потер глаза, будто пытаюсь стереть Ее образ с сетчатки. – Устал немного, мерещится всякое...

– Напугал, дурачок. О, принесли.

– И правда, принесли.

Я с благодарностью принял от официанта наше пиво и закуски, закурил и снова приобнял девушку. На этот раз она более уверенно прильнула ко мне и даже приобняла в ответ. Прогресс, подумалось мне, и я улыбнулся, потягивая пиво.

Вдруг музыка прервалась и на сцену вышел конференсье – лысый мужичок в возрасте, в джинсах и футболке, на которую был натянут старый потрепанный пиджак, рукава которого были обрезаны по локти.

– Дамы и господа, сегодня в нашем зале удивительный

местный поэт и прозаик, автор сотен стихотворений и десятков интереснейших рассказов, победитель многих городских и муниципальных конкурсов, обладатель литературных наград! Это честь – встречать таких людей в нашем скромном заведении. Итак, встречайте: Андрей Соколов!

Основная масса зала захлопала. Собственно, так сделала и Вика. Я же воздержался и молча продолжил пить пиво.

– Друзья, извините, это стало для меня сюрпризом, – на сцене оказался хилый очкарик, выглядевший так же нелепо, как выглядел бы я, придя в кабинет к президенту на совещание в латексном костюме под музыку для стриптиза. Было видно, что он сильно нервничает и в целом не готов выступать на сцене.

– Я расскажу Вам пару стихотворений, а Вы сами потом скажете, какое Вам больше понравилось, – голос его дрожал и я чувствовал некоторую фальшь в нем.

Раскинув крылья свои, будто птица,

Она упорхнула в далекие дали.

И каждую ночь мне теперь будут сниться

Рассказы ее и сухие морали.

Дальше слушать не хотелось. Я молча курил и пил пиво, иногда посильнее прижимая девушку к себе. Вика же, наоборот, внимательно слушала и иногда даже восхищалась рифмами и слогом в целом. Меня это огорчало – я чувствовал конкуренцию и чувствовал отсутствие каких-либо великих

творений в речах этого молодого человека. Конечно, он имеет полное право выступать здесь – и пусть выступает, все лучше, чем просто бухать, но...

Как только он закончил выступать и спустился со сцены, я пулей взлетел на его место и занял микрофон, чуть ли не силой отобрав его у конференсье. Я был уже изрядно пьян, поэтому речь мне давалась легко и непринужденно, да и действовать было проще, чем обычно.

– Дамы и господа, а не хотите ли послушать хорошей поэзии, а? Настоящей поэзии! Конечно, предыдущий оратор был хорош, но я уверен, что вполне могу составить ему конкуренцию, как считаете? – я подмигнул всем и отхлебнул немного пива из бокала, который предусмотрительно взял с собой.

– Так вещай, раз вылез!

– Либо рассказывай, либо вали!

И подобные реплики были кинуты в мой адрес, но я их проигнорировал.

– Вам что-нибудь философское или про любовь? – задорно спросил я.

– Сопли давай!

– Хоть в стихах о любви послушаю!

– Ладно-ладно, – сказал я и выставил руку ладонью вперед. – Слушайте.

Вечно горячим пьяным рукам

*Стало вдруг непривычно холодно.
Мороз ударил по неровным зубам,
Будто железным, тяжелым молотом.*

*Судорогой ноги свело
И от дрожи в рог закрутило.
Урода гримасой скривилось ебло
И как будто бы все так и было!*

*Пальцы замерзли во льдах,
А шрамы покрылись инеем.
Боль в надтреснутых губах
Представлялась твоим именем.*

*Мороз меня очень долго терзал,
Заковал до мельчайших молекул.
А когда я погиб, рассказал:
Тебе не хватало любимого человека.*

Я застыл, ожидая реакции публики. К моему удивлению, стихи всем очень понравились – кто-то одобрительно засветел, кто-то хлопал в ладоши, а какая-то впечатлительная женщина даже расплакалась.

– Еще читай!

– Продолжай!

– Читай, читай, родной!

– Водочки только налейте, – жалобно попросил я. Рядом со мной тут же оказалась стопка, заботливо протянутая кем-то из слушателей. Я залпом выпил ее, отдал обратно и принялся читать дальше.

– Поехли к мне? – заплетающимся языком сказал я Вике, с трудом прикурив сигарету.

– Даваййй, – девушка тоже изрядно накидалась и, казалось, была готова на все. – На машине?

– Да, на бибике, – засмеялся я и девушка засмеялась тоже.

– А как ты за рулем?

– Никак. Такси, – я постучал пальцем по виску, достал телефон и принялся вызывать машину.

Дальше я не помнил практически ничего, но каким-то странным образом оказался в постели с этой самой Варей. Или Вероникой. Или Виолеттой. Или Викой...

Старые раны

Просыпаться было тяжело, даже слишком. Голова раскалывалась, я практически ничего не помнил. Все тело ломило, а содержимое желудка так и стремилось вырваться наружу. Я сорвал с себя одеяло и бегом направился в туалет, где очистился физически и духовно.

На кухне меня уже ждал Влад.

– Ты что тут делаешь? – удивился я, прикуривая сигарету.

– Да вот приехал навестить, посмотреть, как ты тут после пьянки.

– А предупредить нельзя? – сегодня товарищ раздражал меня сильнее, чем обычно.

– Ты бы тогда меня не пустил, – ухмыльнулся мой друг.

– У тебя все равно ключ есть.

– Это да, – Влад как-то рассеянно протянул эту фразу и уставился в одну точку.

– С кем ты там разговариваешь? – сонный голос только что пробудившейся девушки отвлек меня от молчаливого созерцания вечности, находящейся у меня на скатерти, и я посмотрел на В... еронику?, зашедшую на кухню.

– Да с другом, – я показал пальцем в сторону Влада и даже повернул голову туда, где он только что был. Да, именно был! Сейчас там стоял пустой стул, и из всех напоминаний о моем товарище был только дымящийся в пепельнице бычок.

– Смешно, – она улыбнулась и села мне на колени. – Тебе приготовить завтрак?

– Да, если можно, – я неловко улыбнулся в ответ. Искренне сделать это никак не получалось – сложно улыбаться человеку, имя которого ты забыл, хотя даже переночевал с ним в одной кровати. – Слушай, у нас что-то было вчера? А то я ничего не помню совсем.

Девушка захохотала, а я только нелепо, как полнейший идиот, улыбнулся.

– Мы были настолько пьяные, что еле до кровати дошли! Но если ты хочешь... – она томно прикусила губу и провела рукой по моей груди.

– Я бы сейчас все отдал за вкусный завтрак, – честно признался я, проведя тыльной стороной ладони по ее щеке.

Девушка снова захохотала. Судя по всему, ей было абсолютно все равно, чем именно со мной заниматься. Может, оно и к лучшему.

Пока девушка приступала к готовке еды, я быстро заглянул в телефон, чтобы хотя бы таким способом вспомнить ее имя. Метод дал результаты и в ходе быстрых размышлений я установил его – Вика, все-таки Вика. Попутно я отписался остальным девушкам, что, мол, все хорошо, просто было много дел, совсем забегался, скоро встретимся, и тому подобная лапша.

Только после этого я заметил еще одно сообщение. Сообщение, которое я читать не хотел, но и духа удалить его или

отправить адресанта в черный список мне не хватало. Разберусь потом.

– Как ты тут? – спросил я у Вики, вернувшись на кухню из комнаты.

– Вроде хорошо, – смущенно улыбнулась девушка. Кажется, вчерашнее уверенное состояние возвращалось к ней. – Уютно у тебя здесь.

– Обычная берлога, – отмахнулся я и снова закурил. – Ты не помнишь, сколько я вчера потратил?

– Только на такси, – она аккуратно спрятала прядь волос за ухом. – После твоего выступления директор сказал, что все заказанное за счет заведения. Кстати, он оставлял тебе свой телефон, ты записал в контакты. Просил позвонить, договориться за выступление. Денег обещал.

– Деньги – это хорошо. Осталось только вспомнить, как я его записал.

– Володя ресторан, – Вика больше не отвлекалась от плиты и даже не обернулась на меня. Может, и к лучшему.

– Спасибо большое, – я потушил бычок, встал и обнял ее сзади, носом зарывшись в волосы девушки. – Спасибо.

Вика немного задрожала. Боится или нервничает?

– Не за что, – голос ее тоже дрожал.

– Не нервничай, – тихо и так нежно, как только мог, сказал я и аккуратно прикусил ее за мочку уха. Вика будто растеклась подо мной, но я решил, что пока хватит и снова вернулся за стол.

– Скоро будет готово.

– Отлично, – улыбнулся я. – Я включу музыку, если ты не против?

– Лера, это был самый лучший день в моей жизни, – Вика прыгала от счастья даже во время приветственных объявлений. – Ты не представляешь, насколько все хорошо прошло.

– Полегче, – Лера улыбалась подруге во весь рот, – а теперь все с самого начала и максимально подробно. Я собиралась по магазинам, шмотки прикупить, поедешь?

– Да-да, конечно! Так вот, приехала я в этот бар, а его нет. Я расстроилась, подумала, что он вообще не придет. Прождала, наверное, минут десять, уже тысячу всяких мыслей дурацких подумала, но он пришел! Оказалось, что у него проблемы какие-то с редактором, он там весь день этим занимался. Я так нервничала, ты не представляешь даже, как я нервничала! У меня все тряслось, все, понимаешь? Я думала, что на месте сгорю от страха. Уши, щеки – все небось красное было, как рак вареный я сидела. Он пива заказал – вкусное пиво, кстати, хорошее. С тобой тоже надо будет сходить как-нибудь.

– Обязательно сходим, – сказала Лера, заканчивая подводить стрелку. – Выходим?

– Да-да, обязательно. Вот, сидели мы, болтали, и тут он меня за руку взял! У меня сердце в пятки ушло!

– Представляю, – усмехнулась Лера, закрывая дверь на

ключ. – Как тогда, на выпускном, да?

– То фигня по сравнению с этим! – возмутилась Вика. – А потом еще и обнял меня! Я как прижалась к нему, как прижалась... От него пахло так хорошо, да и весь он был такой... такой... восхитительный! Идеальный прямо!

– Ты поосторожней с выводами, – Лера насторожилась. На ее опыте уже были такие «идеальные» мужики, которые потом ходили по квартире в одних трусах, пили по вечерам пиво, ковырялись в носу, чесали яйца и смотрели футбол. Но Вика полностью проигнорировала реплику подруги и стала рассказывать дальше.

– А потом на сцену вышел какой-то Соколов.

– Это кто?

– Да я тоже первый раз слышала, но представили как крутого автора. Ну и стал он читать стихи свои. Я с удовольствием слушала, хорошие стихи, мне понравились. А вот Сашка их не одобрил и даже не слушал почти. Читал этот Соколов долго, мы за это время неплохо уже напились и даже поцеловались пару раз! Он так целуется хорошо, я просто чуть сознание не потеряла!

– Тебе разве есть, с чем сравнивать? – улыбнулась Лера, заводя двигатель машины.

– Ну тебя, – Вика по-детски обиженно надула губки. – Есть с чем сравнивать.

– Ну я же пошутила, прости, – Лера пыталась оправдаться, но, кажется, довольно сильно зацепила подругу.

– Ничего больше не буду тебе рассказывать, – Вика отвернулась и смотрела в окно.

– Прости пожалуйста, Вик, я больше так не буду, – теперь и Лера надула губки. Вика, повернувшись, увидела это, рассмеялась и решила все-таки продолжить.

– Ладно, фиг с тобой. В общем, закончил этот Соколов стихи свои читать, и тут Сашка берет, да как вырывается на сцену! И давай свои стихи гнать! Слушай, я, конечно, читала это все, он, в основном, новое рассказывал, но вживую его услышать, эти стихи, прочитанные этим голосом... Да Боже, я готова была ему прямо на столе том при всех отдаться!

– Ну даешь, – Леру рассказ, конечно, впечатлил, но такие размышления подружки и правда не давали ей покоя. Сашка этот чем-то ей не нравился, чем-то напрягал. Девушка чувствовала, что тут что-то не так гладко, как рассказывает Вика, и на самом деле этот Сашка не такой приятный тип.

– Да не, еще не даю! – Вика расхохоталась, но, взяв себя в руки, продолжила. – Такие стихи, такие стихи! Потом мы к нему поехали. Ничего не было, правда, мы так напились – еле разулись. Но так приятно было лежать на его груди, вжиматься в него, такого большого, сильного...

– Везет, – несмотря на все мысли, Лера немного завидовала подружке. Тот самый Рома с работы оказался либо редким тугодумом, либо очень стеснительным парнем – он не спешил звать девушку куда-либо и до сих пор ограничивался милыми переписками, разговорами на работе и иногда про-

должал подвозить.

– Он первым проснулся, говорил с кем-то на кухне. А когда я пришла, сидел один, только бычков тлеющих было два.

– Он курит в квартире? – Лера брезгливо дернула носом. – Мерзость. Странный тип какой-то, Сашка твой этот.

– Да нет, нормальный вроде, – девушка подернула плечами. – Может, по телефону разговаривал.

– А бычков почему два?

– Он говорил, что много курит, когда дни не очень. Саша сильно переживает по поводу редактора...

– Ладно, допустим.

– Вот, приготовила я ему завтрак, поели вместе... Он так ел, так торопился, как волк голодный был! Так я рада, что накормила его, он был так доволен...

– А ты?

– А я еще больше чем он, – Вика расплылась в широкой улыбке и растеклась по креслу. – Потом мы лежали в кровати целый день, целый день... Он меня обнимал, целовал... Я будто не в этом мире была от счастья, не в этой вселенной! Еще он писал стихи. Мне так нравилось на это смотреть, так нравилось! Он был такой задумчивый, загадочный, романтический!..

– Ну а ты ему, э-э-э, – Лера почему-то застеснялась сказать это слово. – Ну, ты поняла.

– Да я на все готова была, только ему плохо было после пьянки, так что, видимо, не судьба была сегодня. А потом он

что-то прочитал в телефоне, что-то написал, и сорвался, как угорелый. Сказал, что что-то по работе, собрался и убежал.

– Странный он какой-то, – девушка выдохнула, закончив парковку.

– Дверь просто захлопнешь, там замок английский, – я поцеловал Вику на прощание и вышел из квартиры. – Еще увидимся, – улыбнувшись, шепнул я ей в чуть приоткрытую щелку и захлопнул дверь.

Я не знаю, зачем согласился на эту встречу и не знал, зачем сейчас продолжаю идти к памятнику. Я же почти выкинул Ее, почти забыл, почти не вспоминал о Ней... Дурак я, дурак!

Я закурил сигарету и остановился. Стоит ли идти?

– Привет, – она всегда так начинала разговор. Я не решился открыть диалог целый день, но в районе шести часов все же набрался смелости, сжал яйца в кулак и смог.

– Пойдем сегодня проветримся?

Рука моя дрожала. Вика, лежащая рядом, с интересом смотрела на меня, непонимающе-любопытно хлопая длинными даже без косметики ресницами.

– Да по работе просто, – я постарался непринужденно улыбнуться, но вышло плохо.

– Во сколько и где?

Ответ почему-то пришел мгновенно.

– В восемь у памятника.

– Ладно.

– Привет, – Она обняла меня, будто ничего и не было. – Ты здорово тогда с цветами придумал, красиво получилось. Правда, розы жалко – они ж дорогие!

– Ничего страшного, – с бледной улыбкой ответил я и поймал себя на том, что чувствую и ощущаю все то же, что и ощущал раньше рядом с Ней. Дрожь, слабость, страх и любовь, желание защитить.

– Пойдем? – Она взяла меня за руку. По коже пробежал холод, а спина моментально покрылась капельками пота.

– Д-да, – заикнулся я, сжимая Ее руку.

– Что у тебя нового? – обратилась ко мне девушка. Она вела себя так же, как раньше и выглядела так же. Я боялся даже дунуть в Ее сторону, чтобы ничего не изменить и не испортить.

– Да ничего, – я повел плечами. – Пытался издаться, даже почти получилось. А так действительно ничего нового.

– А почему не получилось?

Я в красках рассказал Ей историю о моих походах к редакторам. Девушка внимательно слушала.

В чем тут подвох? Зачем она позвала меня? Зачем написала? Она ведь прекрасно поняла, что я имел в виду этой запиской, этими цветами. Так в чем же смысл?

– Не переживай, все будет хорошо, – Она обняла меня.

Я растекся в этих объятиях. Она слишком много для меня значит... С Ней так тепло, так хорошо и так свободно. Пока Она продолжала меня обнимать и вжиматься головой мне в грудь, я заново влюблялся в Нее, вспоминая все от начала и до конца: и первую встречу, и знакомство, и прогулки, и пьяный поцелуй, и все-все-все...

– Ладно, пора дальше идти, – Она мило улыбнулась и потянула меня за руку.

– Ты права, – я улыбнулся Ей в ответ и пошел следом за Ней. – А у тебя что нового?

– С Никитой рассталась, – казалось, Ее совсем это не волновало, так непринужденно Она сказала об этом. Но в одной этой фразе я почувствовал столько шансов для себя, получил столько силы!..

– Ничего страшного, – попытался как можно спокойнее сказать я, но голос все равно дрогнул.

– Пожалуй, ты прав, – Она мило улыбнулась и посмотрела на меня. – Но я пока не знаю, как дальше. Мы так долго были вместе...

– Наверное, это сложно, – я нахмурил брови.

– Ты о чем?

– Ну вот так долго общаться с человеком, он всегда рядом, а потом раз – и больше вы не вместе.

– Да, непросто, – Она тяжело вздохнула. – Ладно, не будем об этом. Как твои стихи?

– Все так же, – отмахнулся я и достал пачку сигарет.

– Бросал бы, – нежно сказала Она.

– Не хочу, – я уже вовсю дымил и снова держал Ее за руку.

Мы присели на лавочку вдали от остальных людей. Она пинала ногой мелкие камешки, а я докуривал сигарету и мечтал, мечтал о том, как сейчас Она скажет, как Ей все надоело, как Ей нужен такой, как я, вернее даже сам я, как Она соскучилась и как я Ей важен.

– Ты чего задумался? – Она положила голову мне на плечо и смотрела на меня. Я растаял под Ее взглядом и был готов сделать все, что угодно.

– Да так...

Мы замолчали. Я не знал, что сказать Ей, а Она, видимо, не знала, что сказать мне. Нарушить тишину очень хотелось, но в голову лезли только всякие глупости, а говорить их не хотелось. Хотелось только делать глупости.

– Поцелуй меня.

Я закашлялся. Пот теперь потек по спине ручьями, руки похолодели, а глаза, казалось, вылезли из орбит.

– Ты чего? – кое-как сказал я, с трудом избавившись от кашля.

– Ну... Просто поцелуй, – Она улыбнулась и пристально посмотрела на меня.

Я дрожал, как осиновый лист, как первоклассник, идущий на линейку, как призывник в автобусе, отправляющемся от военкомата, как первокурсник на сессии после первого семестра... Но все же решился.

Ощущения были незабываемы. Я забыл, кто я такой, откуда я и чем занимаюсь по жизни. Забыл отца, мать, друзей и всех других девушек, которые у меня были. Я помнил только Ее. Знал только Ее. Знал и понимал только этот поцелуй.

– Прости, – Она оторвалась от меня. – Не сдержалась.

– Н-ничего страшного, – нелепо улыбнулся я.

Вдруг лицо Ее моментально переменялось и стало отстраненным, холодным. Я сильно напрягся и занервничал – сердце колотилось, будто пыталось представиться вечным двигателем с огромной мощностью, ладони похолодели, словно принадлежали какому-нибудь трупю, а пот залил глаза, спину и подмышки. Неужели опять?..

– Ладно, мне пора. Если издашься – напиши мне, я обязательно куплю книжку.

– Тебя проводить?

– Нет, не стоит, еще не так темно. Я сама тебе напишу, когда время будет, ладно?

– Л-ладно...

Все фантазии, все мечты, все сладкие и влажные грезы вмиг рассыпались в пух и прах. Я снова попался на крючок. Снова мне было больно, больно, как тогда, в первый раз, когда Она сказала, что у нее появился парень. Она снова поймала меня, снова поигралась со мной, как с какой-нибудь игрушкой из магазина!

– Пока? – спросила Она, мило улыбнувшись.

– Пока, – я изо всех сил старался не расплакаться прямо

при ней.

Она обняла меня и ушла. Я долго смотрел ей вслед, пытаюсь трясущимися руками достать пачку из кармана.

Зачем Она так делает? Зачем так поступает? Я не могу так, не могу...

В конце концов, пачку достать все-таки удалось. Закурил я с трудом – то не мог нормально щелкнуть огнивом, то ветер задул огонь, то трясущаяся сигарета уходила от пламени.

Я разрыдался, как мальчишка. Как ребенок, которого из детского сада забирают последним.

Я не могу так больше, не могу...

Пой, поэт, песню, пой

– Как тебе везет, Саня, что я всегда оказываюсь рядом, –

Влад наливал мне водки в стакан.

– Я не хочу... – протянул я сквозь слезы.

– Надо, Саня, надо. Больше не ходи к ней на встречи, брат.

Обещай мне.

– Об-бещаю, – проглотив ком в горле, ответил я.

– Пей, брат, пей. Тебе сейчас помочь могут только несколько вещей: водка, стихи, брательник твой, да баб побольше. Забудь ее, Сань, выкинь, как трусы дырявые. Ты же не носишь дырявые трусы, верно? Давай, брат, за мертвые воспоминания.

– Давай...

Мы выпили. Пошла тяжело – меня тут же чуть не вывернуло наружу. Тем не менее, я сдержался, занюхал кружком колбасы и закусил.

– А куда ты утром делся, товарищ, который всегда рядом? – с некоторым наездом спросил я, доставая сигарету. – Утром пропал, а как только замут – тут как тут.

– Да я что-то перенервничал, – замялся Влад и почесал затылок. – Вы там как-то вместе лежите, разговариваете, а тут я.

– И ушел так, что никто не заметил, как дверь хлопнула, – снова скептически отметил я.

– Старался, как мог.

– Странный ты какой-то, – я подозрительно покосился на товарища.

– Не страннее, чем ты.

– Ладно, – я уже успокоился и вытер рукавом последние остатки слез. – Больше баб и больше пить, говоришь? Давай тогда еще по одной.

– Узнаю старого друга, – Влад залихватски махнул рукой и принялся заполнять стопки жидкостью.

– Слушай, Влад, мне тут директор этого заведения обещал денег дать за выступление. Как думаешь, если я прямо сейчас к нему подойду, получится заработать?

– Рискни.

Я тяжело выдохнул и встал со стула. Из-за обилия выпитого и съеденного живот вздулся, немного подташнивало и хотелось только лежать, будто удав, переваривая пищу. Но, тем не менее, я направился напрямиком к бармену, чтобы разведать местонахождение директора.

– Слушай, друг, где директор ваш? Я тут должен был стихи читать, но что-то не дозвонился.

– А, Сашка, это ты? Пиво будешь? – улыбнулся мне бармен. Видимо, в прошлый раз я знатно тут накуролесил. – Володьку сейчас позову. Вовка!

– Не надо пива, – я улыбнулся и обратил внимание на того самого конферансье, который стремительно приближался к нам.

– Что звал? – он обратился к бармену, кинув на меня только мимолетный взгляд, но тут же опомнился и более пристально меня разглядел. – О, Александр, все-таки ты пришел, дорогой!

Такому теплому приему я удивился. Это было неожиданно – официанты и посетители никак не показывали того, что узнали меня. Или я просто не заметил...

– Да, пришел, – ответил я несколько смущенно. – Можно я сегодня тут стихов почитаю?

– Да, дорогой, без проблем, – Володька широко улыбался и до сих пор тряс мою руку в крепком рукопожатии. – Пару минут подожди только.

– Спасибо, – бодро улыбнулся я.

Настроение потихоньку поднималось и мерзкие ощущения от встречи с Ней медленно-медленно заглаживались, хотя все еще саднили глубоко в груди. Я закурил и закрыл глаза, перебирая в голове строчки стихов и проверяя интонации с акцентами в нужных местах.

– Минут через десять начнешь, – ко мне вернулся директор и закурил тоже. – Просто музыканты оплачены. Слушай, ты вот в прошлый раз так ворвался, ни с того, ни с сего, и так у тебя эффектно все получилось. Как ты спланировал это все, программу эту?

– Программу? – я удивленно повел бровью.

– Ну да. Сначала ворвался, стихи читать начал, потом болтать со слушателями. Нельзя же такое без подготовки!

– А я не готовился, – нелепо улыбнулся я.

– Неужели импровизация? – у Володьки рот раскрылся так широко, что, казалось, мозг его вот-вот вывалится оттуда.

– Ну да.

– Офигеть... Так, время, время!

На сцену я поднимался все еще изрядно пьяненьким. Встретили меня довольно громко. Видимо, вчера я оставил ощутимый след в истории этого заведения.

– Здравствуйте все! – начал я и зал одобрительно загудел. – Кажется, вчера я позволил себе немного лишнего болтнуть про местную звезду, хранителя литературных традиций и лауреата Нобелевской премии по той же самой литературе. Сначала я подумал, что действительно переборщил и надо бы извиниться, а сейчас больше склоняюсь к тому, что... Не пойти бы ему нахуй с такими стихами?

Я широко улыбался. В голове был только образ Влада, который говорил мне ни о чем не думать, расслабляться и забивать на все и всех. Я улыбнулся еще шире, будто чеширский кот, и продолжил.

– Вчера я ночевал с девушкой, красивой девушкой. Но вот какая приключилась оказия: я забыл, как ее зовут! И не вспомнил бы, если бы утром не посмотрел на переписку в телефоне. Если честно, то в последнее время моя память стала меня расстраивать. Думаю, это из-за того, что я чуть больше пью, чем нужно. Собственно, так и зародилась мысль для

моего нового стихотворения. Хорошо оно вышло или нет – судить только вам.

*В алкоголе единственный выход,
В чистом спирте мы видели свет,
И хлестали мы водку лихо,
Уходя от проблем и бед.*

Зал молчал. Слова мои падали в мертвую тишину и страшное эхо отзывалось мне от низкого потолка. Я немного испугался, сильно распереживался, но продолжил читать.

*Пили так, что не слышали грома,
Точно бьющего прямо по нам,
Растворялись в бокальных звонах
И рыдали в ответ небесам.*

*Все затем, чтоб не слышать твой голос,
Чтоб не слышать себя и имен,
Чтоб из слез наших грады и морось
Затыкали сердечный гром.*

*Мы смотрели на мир через водку,
Через призму табачных дымов.
Потопила жизнь нашу лодку
И уже не найти остров.*

Мы тонули в слезах и стаканах,

Растворяли счастье в глазах.

Только так и не поняли правды,

Уничтожив все в пепел и прах.

Зал одобрительно зашумел. Я закрыл глаза, выдохнул и неожиданно для себя обнаружил, что пальцы на руках дрожат, а ладони вспотели. В висках пульсировало, но я был счастлив.

– Секунду, пива возьму, – улыбнулся я и спустился к бару, где меня уже ждала оперативно оформленная полулитровая кружка с пивом.

– Вот-с, как-то так. Собственно говоря, спирт, это, конечно, хорошо, но мой лучший друг, можно сказать, брат, рассказал мне и о других способах глушить боль.

Я рассказал им о Владе, историю своей несчастной любви, о неудаче в редакции, о планах на будущее. Конечно, рассказ свой я разбавлял стихами, умело подводя темы, удачно расставляя акценты и подбирая интонации. В основном, читал старые – все равно сказывалось мое не совсем трезвое состояние и подвести к теме новых я больше не смог. Да и часы над барменом показывали мне, что я уже заговорился и пора бы завершать сегодняшнее выступление.

– Знаете, а итог хотелось бы подвести стихами моего мертвого братишки, Сережки Есенина. Я прокашлялся и начал читать.

Мне осталась одна забава...

Зал аплодировал стоя. Мне было приятно и непривычно. Раньше, конечно, мне приходилось выступать и я даже имел успех в определенных кругах, но именно сегодняшнее выступление казалось мне олицетворением новой жизни, началом новой эпохи. В кои-то веки я дышал полной грудью и без стараний отмахивался от таких свежих, еще даже не успевших загноиться воспоминаний.

Я спустился со сцены. Многие подходили ко мне, пытались заговорить о чем-то и я пытался ответить каждому. В конце концов, я разделался со всеми делами, получил положенную мне сумму и довольный двинулся дальше.

– Хорошо ты стихи пишешь, – шептала она мне на ухо.

– Я не только пишу хорошо, – хищно улыбнулся я, кидая ее на кровать.

Жизнь налаживается, с улыбкой думал я, пока девушка усердно скакала на мне. Я отлично выступил, заработал денег и теперь, когда я пьян и со мной в постели другая (чьего имени я не то что не помнил – не знал!), мне, кажется, уже не кажется той самой та, которую я считал той самой еще пару часов назад.

Замечательный сосед

Кряхтя, я протер глаза. В комнате царил полумрак. Я кинул мимолетный взгляд на часы, параллельно осматриваясь в комнате. Десять утра. Странное дело.

– Темно, потому что сторона не солнечная, – откуда-то из-за спины раздался бодрый женский голос. Все-таки надо было спросить вчера, как ее зовут, а то как-то даже неловко будет называть ее «эй, ты».

– Просыпайся, – она ласково поцеловала меня в щеку. – Завтрак готов, да и тебе стоит поторопиться, а то скоро придет отец.

Отец? Живет с отцом? А где он был вчера? Твою мать, а сколько ей лет?

– А где он был сегодня ночью? – видимо, испуг мой был сильно виден со стороны и девушка засмеялась.

– Работал. Вот скоро уже должен вернуться со смены, примерно через час.

– А сколько тебе лет? – кое-как смог выговорить я. Внутри все неприятно крутилось, мозг болел, а грудь изнутри будто разрывало от нервов и страха.

– Вообще-то у девушки неприлично такое спрашивать, да и ночью тебя не особо это волновало, – она ехидно улыбнулась. – Но ладно, я тебя понимаю. Я тебе паспорт покажу, а ты сам посчитаешь.

– Давай! – я очень сильно воодушевился, потому что таким образом мог еще и за бесплатно узнать ее имя.

– Только я фотку пальцами закрою! – раздалось откуда-то из соседней комнаты. Да еб твою мать, не нужна мне фотка твоя, не нужна!

– Вот, смотри, – она ткнула мне в нос раскрытый паспорт, как менты показывают корочки при требовании предъявить. Еле-еле я вычел из текущего года год рождения девушки и облегченно выдохнул. Настя, девятнадцать лет. И на том спасибо.

– Посмотрел? – она по-доброму улыбалась. – Теперь иди за стол.

Я бодро натянул джинсы и футболку, схватил с тумбочки свой телефон и пачку сигарет, похлопал себя по карманам, проверяя отсутствие или наличие чего-либо. Слава богу, все было на месте.

Еда была приготовлена вкусно, хоть и просто – обычный омлет с колбасой, зеленью и помидорами. Конечно, я могу приготовить такое и сам, но все равно было приятно от такого знака внимания.

– Чай или кофе? – девушка отвлекла меня от еды – я был настолько голоден, что только и заглатывал куски омлета один за другим, совсем забыв о том, где я, что я и как я.

– Пожалуй, кофе, – улыбнулся я, вытирая губы салфеткой. Пока кофе готовился, я принял решение о том, что сегодняшний день полностью посвящу стихам и алкоголю. В

конце концов, новинок у меня довольно мало, а судя по вчерашнему успеху и разговорам с Володькой, работа у меня теперь есть.

– Твой кофе, – она отдала мне кружку и села рядом, положив голову мне на плечо. – Ты хороший.

Я уже потянулся было поцеловать ее, но тут в замке зашевелился ключ. Настя замерла. В глазах ее читался ужас. Да и в моих, наверное, тоже. В груди тоже что-то будто бы натянулось.

– Я пришел! – раздался грубый твердый мужской голос. – Так устал сегодня...

В дверях кухни появился низкий, но очень крупный, коренастый бородатый мужчина. Я чувствовал, как потихоньку накаляется атмосфера и понимал, что если в ближайшее время не будет принято какое-нибудь решение, сегодня я снова получу по лицу. Возможно даже ногами.

– А, пап, не переживай, ко мне одноклассник пришел, тему объяснить. Я просто ее совсем не поняла, а он отличник, вот и согласился, – в этот момент я так был благодарен Насте, что даже задумался над тем, чтобы позвать ее замуж. – Он на стипендии живет, один, без никого, так что я его накормила. В этом месяце ее еще и задержали, так что ему уже ну совсем никак. Не попрошайничать же ему в переходе!

Отец задумался. Обстановка несколько разрядилась, но я видел, что он не до конца поверил во все происходящее.

– Ладно. Вы долго еще тут?

– Нет, сейчас кофе допьем и он пойдет, Саша рано пришел.

– Ладно, я тогда отсыпаться пойду. В столовой позавтракал.

– Сладких снов, – Настя подошла к отцу, обняла его и чмокнула в щеку.

– Хоть бы предупредила, что ли, – смущенно шепнул ей отец. – Вы тут точно не?

– Папа! – девушка укоризненно посмотрела на отца и всплеснула руками.

– Ладно, ладно, но ты смотри мне! – он погрозился ей пальцем и удалился в комнату.

Я смотрел на Настю глазами, полными восхищения. Я воспринимал ее как своего спасителя и даже не знал, как ее отблагодарить.

– Спасибо большое, – шепнул ей я.

– Не за что, – она широко улыбалась. – Это тебе спасибо. Мы еще встретимся?

– Думаю, да.

Буквально через пять минут я уже стоял в коридоре и шнуровал кеды. Произошедшее только что все еще напрягло меня, и мне казалось, что прямо сейчас сзади меня стоит отец Насти, держит надо мной занесенный нож и вот-вот воткнет мне его в затылок или спину, чтобы я подольше мучился.

– Это мой номер телефона, – Настя привычно улыбалась

и протягивала мне листок, где красными цифрами был записан номер. – Набери, как будешь свободен. С тобой весело.

– Обязательно наберу, – я улыбнулся ей в ответ. Девушка была хорошей и было даже немного грустно уходить от нее. – Спасибо тебе большое.

Она только усмехнулась и потянулась ко мне губами. На поцелуй я ответил.

Вика не спала всю ночь. Саша в сети не появлялся ни вечером, ни ночью, ни даже утром. Глаза девушки болели, телефон разрядился уже два раза, но она настойчиво, раз за разом обновляла страницу парня. Сердце девушки разрывалось, где-то под ребрами жутко ныло и в полдень она вся расстрепанная, с красными от бессонницы глазами и синяками под ними, направилась в сторону магазина, где купила себе две бутылки вина и вновь направилась домой.

Когда первая бутылка уже приближалась к концу, а в телевизоре заканчивалась вторая серия любимого сериала, в квартире раздался телефонный звонок.

– Привет, Вик, в кофейню сегодня заглянуть не хочешь? – голос Леры звучал бодро и воодушевленно, отчего девушка почувствовала себя еще хуже.

– Блин, извини, я что-то приболела немного. Горло болит, насморк, тридцать семь. Мне бы отлежаться немного.

– Как тебе удалось-то? Давай лечись, выздоравливай. Может, тебе привезти чего? Лекарств там, апельсинов.

– Да не, еще заражу тебя, – Вика даже немного улыбнулась.

– Ладно, тебе виднее. До встречи, выздоравливай.

– Пока-пока.

Вика положила трубку и на душе стало еще тяжелее. Мало того, что парень, который давал ей шанс и надежду буквально вчера, будто испарился бесследно, ничего не писал и даже не появлялся в сети, так еще и подвела подругу, которой явно было, что рассказать.

Вике стало стыдно за свое вранье и она тут же отписала Лере, что они вполне могли бы созвониться в дискорде и поболтать. Лера согласилась и девушке стало немного легче. Она допила последний бокал первой бутылки и решила все-таки набрать Сашке.

Когда я уже приехал домой, телефон завибрировал от звонка. Номер не был записан, но на всякий случай я взял – мало ли какие предложения могут поступить. Вдруг среди слушателей вчера был кто-то, кто может как-то повлиять на мою дальнейшую судьбу?

– Саш, с тобой все хорошо? – начал голос в телефоне даже без приветствия. Он был очень знакомым, но точно установить его обладателя мне не удалось.

– Да, а что такое?

– Ты просто в сети не появлялся, не писал и не звонил...

Я все еще не понимал, кто со мной говорит, но было по-

нятно, что это одна из пяти девушек, с которыми я общался за последние полторы недели. Я довольно быстро решил эту проблему и продолжил разговор.

– Я просто стихи писал, был занят, прости, некогда просто. Слушай, подъезжай ко мне сегодня, хорошо? Если сможешь, конечно.

– Часа через два-три смогу, – голос явно приободрился и стал более веселым. Я тяжело вздохнул. Ладно, пусть будет так.

– Хорошо, до встречи тогда.

– До встречи.

Видимо, поработать мне теперь не судьба. Денег у меня оставалось не так много, чтобы позволять себе только пьянствовать и кутить с девушками, поэтому время выделить все же придется. И, наверное, все равно даже сегодня.

Я закурил, включил музыку и принялся немного убираться – расставил все по своим местам, пропылесосил и даже протер плиту и столешницу. Потом собрался в магазин, где купил бутылку коньяка и кое-какие закуски. По возвращении снова закурил и принялся писать стихи.

Спустя каких-то полчаса затрещал дверной звонок. Я поспешил открывать дверь, забыв потушить уже заканчивающуюся сигарету.

– Привет, Саша, – стоявшая на пороге Вика тут же кинулась меня обнимать.

– Да, привет, привет, – я растерянно стоял, неловко обни-

мая ее. Я как-то не рассчитывал на такое возвращение и на еще одну встречу в целом. – Заходи.

Девушка прошла в квартиру и сразу пошла на кухню, выгружая из рюкзака какие-то вкусности и контейнеры, в которых, судя по всему, была еще какая-то еда.

– Я решила заранее приготовить, чтобы тут время не тратить, – улыбаясь, пояснила она и подошла ко мне поближе. Я учуял запах перегара. Хотя от меня, наверное, пахло не лучше – вчера я неплохо накидался.

– Пойдем за стол? – я показал рукой на стулья, приглашая девушку присесть.

– Пойдем.

Я уселся, а Вика принялась доставать тарелки и раскладывать всякие разные блюда из контейнеров. Выглядели и пахли они, признаться, очень вкусно.

– Коньяк будешь пить? – спросил я.

– Можно, – Вика ласково улыбнулась.

Я взял из холодильника бутылку, достал стопки, водрузил все на стол и вернулся на свое законное место.

– Кушай, – Вика смотрела на меня и к своей еде не притрагивалась, хотя даже до ее фразы я принялся брать штурмом тарелку.

Ее визит меня напрягал. Я нервничал, но старался не показывать этого, чтобы не спугнуть Вику. В конце концов, может, не так уж и плохо, что она пришла – все-таки в прошлый раз ничего не было и это шанс.

– Чего ты распереживалась-то? – сказал я, наполняя стопки коньяком и разрезая ножом упаковку колбасной нарезки.

– Да ты до этого как-то писал, разговаривали с тобой часто и много, а тут раз – и как испарился.

– Извини, я же уже говорил, где я был, – я почему-то чувствовал некоторую вину перед ней, но не понимал почему. В конце концов, мы друг другу никто, никакими узами не связаны, договоров не заключали. Ладно, как-нибудь отмажусь.

– Давай выпьем с тобой за поэзию, – предложила она, поднимая стопку.

– За поэзию – дело святое, – улыбнулся я. Мы чокнулись и я проглотил все содержимое залпом, совсем не смакуя вкус. – Хорошо пошел.

Вика покраснела и закашлялась. Видимо, пить крепкое ей было в новинку.

– Закусывай, – я чуть ли не ткнул ей под нос кружком колбасы.

Пока Вика пыталась отдышаться, я закурил и начал думать. А зачем она звонила? Надеется на что-то серьезное? Интересно, Настя тоже будет звонить или писать? А, нет, не будет. Я же не давал ей своих контактов.

При этой мысли я улыбнулся сам себе.

Прошло порядка двух часов – я перестал контролировать время после пятой стопки. Алкоголь изрядно ударил в голову что мне, что девушке. Мы много разговаривали обо всем и ни о чем, но тут, видимо, когда Вику совсем расперло, она

задала мне вопрос, от которого я поперхнулся закусью.

– Саша, а вот ты любил когда-нибудь? Так, чтобы при виде только этого человека сердце замирало? Что, кажется, готов всю жизнь посвятить этому человеку? Когда каждый день страницу обновляешь, стену уже всю наизусть рассказать можешь сам, причем дословно? Когда мечтаешь о встрече?

Мне не нравилось, к чему она клонит. Я прекрасно понял ее беспокойство, прекрасно понял цель ее визита. Все ее слова слишком удачно и слишком больно прошлись по свежей ране, только-только успевшей покрыться корочкой.

– Так сильно, наверное, нет, – я твердо решил блефовать и играть в дурачка. – Нравились девочки, но так, как ты рассказываешь – не было.

– Везучий ты человек, Александр, – девушка хихикнула, облокотила голову на руку и уставилась на меня. – А я вот люблю.

– Может, тебе как раз и везет, – улыбнулся я, отводя взгляд. Обстановка накалялась, и с каждой новой фразой девушки я нервничал все больше.

– Везет – это когда тебя в ответ любят, – как-то грустно протянула девушка. Я не хотел на нее смотреть – мне стало слишком тяжело от ее слов. Мысли о воспоминаниях полезли наружу, будто гной из плохо обработанной и не зажившей еще раны. В голове сразу же всплыл Ее образ. Вика продолжала что-то говорить, но я не слушал ее. Как я ни старался отогнать воспоминания, Она настойчиво лезла в голо-

ву. Так настойчиво, что будто бы Ей самой надоело уже там торчать, и Она уперлась руками в стенки моей черепной коробки, стремясь разорвать ее изнутри. В висках затрещало, мозг, казалось, вот-вот выльется наружу через уши, глаза и нос.

– Что с тобой? – Вика стояла, склонившись надо мной, и аккуратно трясла меня за плечо.

– Давление, наверное, – отмахнулся рукой я и помотал головой из стороны в сторону.

– У тебя же кровь носом!

– Само пройдет, – опять отмахнулся я и задрал голову вверх.

– Ну уж нет, – Вика явно разозлилась и не собиралась отступать. – Сейчас ты встаешь, идем в ванную и я тебе помогаю.

– У меня аптечки нет домашней, – сказал я, уже встав со стула, и покорно направился в сторону ванной.

– Она тебе не нужна.

В ванне девушка заставила меня наклониться и слить всю, как она сказала, «дурную и лишнюю» кровь. После чего сама отмыла мне все лицо, успевшее уже изрядно покрыться всеми моими носовыми выделениями, запрокинула мне голову вверх и отвела до кровати, где подложила под голову подушку и осталась сидеть рядом, поглаживая мне волосы и говоря какие-то приятные вещи, при этом наказав дышать ртом.

Но я по-прежнему ее не слушал. В голове кружились со-

вершенно другие мысли. Если Вика так сильно влюблена в меня, значит, пойдет на что угодно, чтобы быть со мной, а мне домохозяйка (еще и бесплатная!) совсем не помешает. Пока я буду делать свои дела, Вика сможет ухаживать за квартирой, готовить еду и так далее.

Я опять улыбнулся сам себе.

План такой – сегодня я провожу оставшийся день с ней, она ночует здесь, потом я предлагаю ей остаться под каким-нибудь предлогом еще на день, а потом и вовсе предлагаю переехать. Наивно? Да. Просто? Да. Сработает? Не знаю. Но что мешает мне рискнуть?

– Все будет хорошо с твоим давлением, ты не переживай, – Вика легла рядом со мной и положила голову на грудь. – Я обещаю.

– Спасибо большое, – улыбаясь, сказал я девушке. Я решил немедленно приводить свой план в действие. – С тобой хорошо. Кровь, кажется, остановилась.

– Отлично, – в лице Вики читались радость, счастье и странное удовольствие. Но я решил пойти дальше, чтобы закрепить успех за сегодняшний день и поставить мысленную галочку в мысленном плане.

– Иди сюда, – в сопровождении этой банальной и тривиальной фразы я помог девушке подобраться поближе к моей голове и поцеловал Вику. Руки мои заблуждали по ее телу. Вика была совершенно не против и успех мой закреплялся. На каждое мое движение ее тело реагировало легкой дро-

жью, девушка тихонько стонала. Я мысленно ухмыльнулся и полностью отдался делу, которое уже давно хорошо у меня получалось.

Переезд

Весь следующий день я, так или иначе, провел с Викторией. Мы ели, готовили, немного выпили, обнимались, целовались, занимались сексом, я писал стихи, она сидела в телефоне, смотрели фильм, а в конце дня я предложил остаться ей еще на одну ночь, потому что чувствую себя неважно. Она, конечно, согласилась.

Ночью я не мог уснуть. Нет, меня не терзала совесть, не терзали воспоминания или что-то еще. Я просто лежал и размышлял обо всем, что происходит, куда податься дальше, где взять денег и тому подобное. Бар всегда открыт для моих выступлений, но не могу же я вечно торчать только там?

Я встал с кровати и побрел к компьютеру, попутно захватив с тумбочки пачку сигарет. Буквально за полчаса я нашел несколько грантовых конкурсов стихотворений, из которых все, кроме одного, были заочными. Я тут же отправил стихи на заочные и подал заявку на очный. Спустя несколько безуспешных попыток сложить строки во что-то более-менее приличное и пары-тройки выкуренных сигарет, я вернулся в кровать и благополучно заснул.

– ЛЕРА, ТЫ НЕ ПОВЕРИШЬ! – телефонная трубка Леры разрывалась от криков подруги, и девушке даже пришлось немного удалить телефон от уха.

– Да что случилось-то? – в последнее время Вика немного подбешивала девушку своими разговорами о Сашке. Он и так уже несколько лет являлся довольно постоянной темой общения двух подруг, но с тех пор, как этот придурок ей написал, Вика только о нем и говорит. Ой, Саша то, Саша это, мы вон то, мы вон это. Лера и сама любила поговорить о парнях, но помимо этого у нее было полно и других тем для разговора – начиная от бытовых мелочей и заканчивая вопросами политики. Но нет же, блять, Сашка же важнее всего на свете!

– Мы с ним съезжаемся!

– Поздравляю, – Лера попыталась сказать это как можно безобиднее и радостнее, но вышло плохо.

– Ладно, я не буду тебе мешать, наверное, – Вика почувствовала недовольство в речи подруги и была жутко раздражена. И как она не понимает? Это ощущение, это чувство нереального счастья, когда человек, которого ты любишь, предлагает тебе съехаться. Причем не как соседи, а как парень съезжается с девушкой! Вика подумала, что Лера слишком глупа, чтобы осознать это, поэтому сильно не разозлилась, но недовольство показала весьма и весьма четко.

– Да ты не мешаешь, господи, – вздохнула Лера в телефонную трубку. – Тебе помочь с переездом? Не хочешь встретиться?

– Не, Саша поможет. На днях, я думаю, встретимся.

– Ладно, давай тогда, спишемся. Рада за тебя.

– Спасибо, – голос Вики уже потерял всю обиду и стал очень-очень мягким, как и всегда, когда она говорила с подругой. – Давай, до встречи.

– Ты пока езжай, собирай вещи, – давал я наказ Вике, ликуя от радости и удачно осуществленного плана. – Как закончишь, позвони или напиши, я с Владом подъеду.

– Хорошо, – Вика поцеловала меня и закрыла за собой дверь.

Я выдохнул с облегчением. Сейчас она переедет сюда, и я наконец-то смогу снова зажить своей новой жизнью, которую порекомендовал мне Влад. Сегодня же вечером я нажрусь в говнину с Владом, а завтра пойду делать дела.

Сказано – сделано. Я тут же набрал друга, чтобы он помог перевезти вещи Вики ко мне и выпить со мной вечером.

– Привет, брат, – начал я.

– Здорово. Я думал, ты совсем уже меня забыл. Чего звонишь?

– Есть две просьбы: одна хорошая, а другая плохая. С какой начать?

– Да с любой, – гоготнул в трубке мой товарищ.

– Плохая – ты не мог бы помочь сегодня перевезти вещи одной бабы ко мне?

– Здорово живешь, – даже не видя друга, я понял, что он ухмыльнулся. – Могу до нее подкинуть, а дальше сами, извини, мне на работу.

– Ладно, и на том спасибо. Хорошая – как насчет насви-
нячиться сегодня?

– А тут всегда только за. Правда, могу только вечером,
часов в десять.

– Базару ноль.

– А во сколько надо тебя до бабы подкинуть?

– Часа через полтора-два, точно не знаю.

– Ладно, как скажешь, – Влад заскрипел зубами. – Только
вечером не забудь позвать с собой эту бабу, хотя бы позна-
комимся.

– Эту не возьму, возьму поинтереснее, – ухмыльнулся я.

– Даже так! – восхитился мой товарищ. – Я смотрю, ты
решил прислушаться ко мне.

– Есть такое, – я широко улыбнулся и чиркнул зажигал-
кой, прикуривая. – Кстати, есть разговор по поводу работы.

– У меня тоже есть. Но это ладно, вечером, под пиво раз-
говор явно пойдет лучше.

– Как же ты неоспоримо прав, друг мой, – разговор с Вла-
дом шел мне на пользу и я улыбался все сильнее.

– Давай тогда, наберешь, как подскочить надо будет.

– Давай, брат.

Закончив с этим телефонным разговором, я тут же зашел
в интернет и договорился с одной из девочек встретиться се-
годня в баре. Она согласилась, и настроение мое потихоньку
повышалось. Я налил себе оставшегося коньячку, проверил
состояние заявки на конкурс и обрадовался еще сильнее – ее

приняли и меня ждут послезавтра в местном ДК.

Я включил музыку и начал ритмично дергать головой, листая ленту и в целом просто страдая ерундой. Так я настроивался на еще один очень важный телефонный разговор для меня.

Завтра я планировал встретиться с Настей. Что-то в ней зацепило меня. Я пока не понимал, что именно, но чувствовал, что в ней есть что-то до боли знакомое, то, что ты, казалось, всегда знал и любил. Ну и собственно, я планировал встретиться с ней еще пару раз, чтобы выяснить, что именно в ней заставляет меня невольно трепетать и испытывать ощущения, которые я когда-то испытывал.

Спустя какое-то время я все же решился. Из карманов джинс была аккуратно извлечена записка с важным номером телефона и буквально через пять секунд из трубки шли гудки.

– Привет. Это Саша.

– Не думала, что ты позвонишь.

– Честно говоря, я сам не думал, – улыбнулся я. – Есть одна просьба деликатная. Мы не могли бы встретиться завтра? Просто у меня через день конкурс, и я хочу, чтобы ты послушала мои новые стихи.

– Ладно, без проблем. Во сколько и где?

– Скажем, часа в три, где-то в районе памятника.

– Какому именно? У нас их в городе довольно много.

– Пушкину, естественно.

Влад подъехал чересчур оперативно – я даже задумался над тем, не ждал ли он все это время где-то рядом, но здравый смысл все же подсказывал мне отместить это предположение куда подальше, что я, собственно, и сделал, уже садясь в машину.

– Добрейший вечерочек, – улыбнулся мне друг, поправляя солнечные очки, немного скатившиеся вниз по переносице.

– Верно подмечено, – улыбнулся я ему в ответ и закурил. – А что там такое, что за работа у тебя сейчас?

– Я все пытаюсь организовать твое выступление где-нибудь на более крупной площадке, чем бар. ДК, другие бары и тому подобное. В целом, особо против пока никто не выступил, но у всех есть требования по поводу программы – ее все-таки придется писать заранее.

– Блядство, – я сплюнул в открытое окно.

– Да ничего страшного, посидишь денек, попишешь, а там видно будет.

– Легко сказать. Посиди-и-ишь, попи-и-ишешь. А вдруг мне во время выступления что-то другое в голову взбредет? Вдруг я захочу поговорить о чем-то другом?

– Ну, брат, мир под тебя не подстроится. Заработаешь себе денег и имя – откроешь себе свое заведение. Там и будешь выступать без программы. А пока придется подстраиваться под потенциальных работодателей. В конце концов, деньги у

тебя не бесконечные.

– Даже жаль, что ты снова прав.

Влад только ухмыльнулся.

Я задумчиво смотрел в окно на проплывающий мимо пейзаж. Влад сегодня вел на удивление спокойно, не превышая скорости, не пролетая нигде на красный, и даже ни разу никого не подрезал. Спрашивать его о причинах такого скромного поведения я не стал, потому что меня все вполне устраивало, и в кои-то веки я мог просто тихо и без помех созерцать город в самый разгар лета.

– Менты тормозят, – раздраженно выдавил из себя мой товарищ, приближаясь к обочине, где действительно стоял мужчина в синей рубашке и с жезлом цвета зебры. – И что им только от меня надо?

– Добрый день, – в открытое окно просунулась голова полицейского, но уже без предусмотрительно снятой фуражки, а рядом с ним в наш салон залезла и раскрытая корочка. – Старший лейтенант Прокофьев Сергей Иванович, ГИБДД. Предъявите, пожалуйста, ваши документы. Остановка связана с тем, что сегодня рядовой срочник сбежал из части, поэтому все машины досматриваем.

– Давай документы, – шикнул мне Влад.

– Какие документы? Ты больной? Ты же за рулем!

– Документы давай, полудурок!

– Все в порядке? – напряженно сдвинув брови, поинтересовался старлей.

– Да-да, сейчас, – сказал Влад. Я протянул ему свои права и страховку, вынутую из бардачка. Влад же, в свою очередь, передал документы Прокофьеву.

– Да, все в порядке, извините за беспокойство. Счастливого пути!

Влад тронулся, а я в полнейшем шоке смотрел на него.

– Что пялишься? – раздраженно спросил он.

– Действительно! Нас останавливает гаишник, за рулем ты, а права нужны мои?

– Какая разница? Прокатило и прокатило.

Я чувствовал какой-то подвох. Влад врал мне – я это чувствовал. Вернее, не врал, скорее не договаривал. Я не понимал, как это сработало, почему, но решил не отвлекать товарища от дороги и не забивать себе голову всякой ерундой.

– Все, приехали, – оповестил меня товарищ. Я пожал ему руку и вышел из машины. Телефон быстро оказался у меня в руках, а еще быстрее, будто бы сам по себе, автоматически, набрался номер Вики.

– Ну все, я подъехал к твоему дому, только я забыл подъезд.

– Четвертый, – ответила мне девушка.

– Сейчас подойду.

Я размеренно потопал в сторону четвертого подъезда по тротуару. Во дворе бесились дети, на лавочках сидели и что-то обсуждали бабки, коты лазали по деревьям и пытались добыть себе пропитание в виде зазевавшегося голубя – все бы-

ло вполне обычным. Но я шел, глубоко вдыхая летний воздух, запах жаркого июльского дня и наслаждался тем, что я сейчас жив и могу просто так идти и созерцать все это.

Вика стояла у подъезда. Рядом с ней стояло всего две сумки, а за спиной девушки висел рюкзак. Одна ляжка уютно расположилась на ее плече, а вторая свободно свисала вниз.

– Негусто, – улыбнулся я, забирая у Вики рюкзак. – Сейчас такси вызову и поедем домой. У меня сегодня вечером запланирована встреча с Владом, так что я вернусь сегодня поздно.

– Жаль, – девушка явно расстроилась, но меня это мало волновало. Тем не менее, я бросил ей дежурное «ничего страшного» и даже ее поцеловал.

Такси примчало быстро. Мы расположили сумки в багажнике, я сел на переднее сиденье рядом с водителем, а девушка ютилась сзади. Таксист оказался не особо разговорчивым, но музыкальный вкус у него был неплох и даже в чем-то совпадал с моим, так что скучать все равно не приходилось.

Но на выезде из дворов, в том самом месте, где Влад высадил меня из машины, я заметил странный автомобиль. Странность его заключалась в том, что он был точь-в-точь похож на машину моего друга. Я прищурился и рассмотрел номера на уже удаляющемся от нас авто. И точно – это была машина Влада. Зачем тогда он сказал, что у него работа и он не сможет помочь? Этот район был достаточно далеко от всех ДК и любых заведений, где можно было бы организо-

вать выступление, так что вариант с тем, что он пошел пешком, я тут же отмел в сторону. Очень странно Влад стал себя вести...

– Ну вот и приехали, – пропыхтел я, пытаюсь отдышаться – курево явно не шло на пользу моей дыхательной системе. Я пронес сумки внутрь квартиры, а затем вернулся к двери, чтобы разуться. – Разбирай сумки, располагайся. Я пока еду разогрею, а потом мне нужно будет немного поработать над стихами.

– Хорошо-хорошо, – Вика смотрела на меня глазами счастливого щенка. Это зрелище даже немного умиляло, но когда я вспоминал, зачем организовал ее переезд, все эмоции и чувства как будто бы угасали и пропадали, словно их и не было.

На кухне я закурил и поставил еду греться в микроволновке, включил чайник. Девушка шумела дверцами шкафа, что-то роняла и громко ругалась. Я счет это забавным. Помогать ей совершенно не хотелось – и так уже встретил и донес сумки.

Настроение было смешанным. С одной стороны, я рад тому, что план сработал и теперь у меня дома бесплатная рабочая сила, которой просто периодически нужно уделять время, да и наконец-то пойду встретиться с Владом – я даже немного соскучился по нему. Но с другой стороны, в груди что-то сжималось, вертелось и перекручивалось, и общее со-

стояние от этого было далеко не лучшим. Я все не мог понять, что меня мучает, и от этого настроение только ухудшалось.

– Чего голову повесил? – Вика обняла меня, выводя из не очень приятных размышлений.

– Да все хорошо, – я поцеловал девушку в лоб. – Пойдем есть.

– Пойдем.

После еды я сел писать стихи. Уже несколько дней я вынашивал пару-тройку идей, поэтому особых проблем не возникло – уже были готовы канва и некоторые заготовки рифм. Но работы все равно было много – я писал, перечитывал, зачеркивал и писал заново. Что-то из написанного мне нравилось, но основную массу вариантов я отметал, а затем курил и ходил из стороны в сторону в поисках лучшего решения. Таким образом, к тому времени, когда надо было выходить в сторону бара, у меня было практически полностью готово одно новое стихотворение и в процессе глубокой разработки были еще два.

Я тяжело выдохнул, потушил окурок и начал собираться.

– Уже уходишь? – раздалось из спальни.

– Да, собираюсь.

– Куда пойдете?

– В бар, выпьем немного, посидим, а то не виделись давно уже.

– Ладно, – Вика расстроилась, но старалась не подавать

виду.

Я оделся и вышел из квартиры, чмокнув девушку на прощание.

– *Я скоро подойду*, – написал я другу и, закурив, направился в сторону бара.

– Вот как-то так, – уже изрядно пьяный, я закончил рассказ о своем сработавшем плане по поводу Вики, моего отношения к ней и ее ко мне.

– Жестко ты придумал, – Влад хлебнул еще пива. По нему было видно, что мои действия пришлись ему по нраву. – А где же баба, которая должна подойти?

– Опаздывает, – отмахнулся я. Света опаздывала уже на полчаса, но меня это не особо волновало – сидеть и выпивать с другом было как минимум не хуже, чем общение с какой-то левой девушкой ради секса.

– Ладно. Ты что-то говорил сегодня по поводу работы, – напомнил мне Влад.

– А, да. Я нашел несколько грантовых конкурсов, чтобы заработать немного денег. Я отправил в несколько свои стихи, а послезавтра тут, у нас, будет очный конкурс. Ну я схожу посмотреть, что там, да как.

– Один?

– Нет, я решил прихватить с собой Настю.

– Настю?

– Я с ней спал после выступления здесь.

– Неплохо, – усмехнулся Влад и мы продолжили пить.

Света так и не пришла, но меня это не сильно расстроило. Мы с Владом изрядно напились, и он чуть живого тащил меня домой. Странно, но мой товарищ всегда был гораздо трезвее меня, даже когда выпивал больше. Не сказать, что мы были сильно разной комплекции или весовой категории, поэтому такое разное восприятие алкоголя организмом меня смущало.

– Я Ее, – я икнул, – люблю...

– Да рот закрой свой уже, – Влад бы раздражен. – Мало тебе других баб? Уже с другой живешь, с третьей идешь на конкурс, мало тебе их? Прекрати ты Ее вспоминать, ей-богу, в печенках уже сидит! Ты мужик или тряпка?

– Не знаю, – честно ответил я.

– Сейчас отнесу тебя твоей Вике и чтобы я больше ни слова не слышал о Ней, ты меня понял?

– О Вике? – не понял я.

– Нет, придурок, о любви твоей вот этой беспощадной.

– Ну Влад...

– Что «ну Влад»? Я тебе, конечно, близкий и хороший друг, все понимаю, но подумай ты сам. В чем смысл от твоих страданий?

– Не знаю.

– Она, может, придет к тебе, если ты будешь дальше по ней сохнуть?

– Не знаю.

– Ты меняешь своим поведением что-нибудь?

– Не знаю.

– Ясно. У тебя пустота внутри из-за Нее, я думаю, ты и сам прекрасно это понимаешь. Но только вместо того, чтобы заполнить эту пустоту чем-то хорошим, ты наполняешь ее воспоминаниями и мыслями. Это прошлое, брат. Тебе его не вернуть. Оно умерло.

– Прошлое не мертво. Это даже не прошлое. Она – настоящее и будущее.

– Да, брат, только уже не твое. Пора смириться с этим и положить конец. Это твоя жизнь, брат, твоя. И ты должен посвятить ее себе, а не Ей. В конце концов, найди себе другую нормальную бабу и посвяти ей, если так сильно хочется жить ради суки. Запомни, брат, легкую формулу – хорошее настроение равно квадрату суммы огромного числа баб и пяти бочек алкоголя. Запомнил?

– Запомнил, – слабо улыбнулся я.

– Вот потом закрепíšь, – Влад пихнул меня ногой, положил под дверь и позвонил в звонок. – А теперь мне пора. До встречи!

Не успел я даже ничего ему сказать, как дверь открылась и Вика заверещала.

– Господи, Саша, Сашенька! А ну, пойдем, вставай, пожалуйста, вставай, дорогой мой!

Я попытался встать, но получилось плохо. Со второй по-

пытки, одной рукой опираясь на стену, а второй на девушку, я все-таки встал и даже смог зайти в квартиру, где меня умыли, раздели и даже уложили спать.

Сразу я не уснул – вертолеты кружили над моей головой и внутри нее, издавая отвратительный гул. Я ворочался из стороны в сторону, с меня сошло семь потов, но мерзкие воздушные машины не планировали возвращаться и садиться на базу.

Я сел на краю кровати и закурил. Голова трещала, живот крутило из стороны в сторону во всех направлениях, куда только можно. Отвратительное, мерзкое состояние.

– Вот, держи тебе чаю горячего и бутерброд с маслом. Кипяток и масло хорошо помогают.

– Спасибо, – в этот момент я был благодарен ей больше, чем матери, которая меня выносила, родила и воспитала.

– Пей и кушай, – она села рядом и начала гладить мой живот. – Чего же вы так напились-то?

– Да не виделись давно, соскучились, – я улыбнулся, из-за чего мне ментально стало хуже и рожа скорчилась.

– Ладно, ладно, – она продолжала гладить мой живот, и мне как будто бы становилось лучше. – Какие у тебя планы на завтра? Может, сходим куда-нибудь?

– Завтра у меня встреча важная по поводу конкурса стихов, а послезавтра, собственно, и сам конкурс.

– А туда можно будет прийти посмотреть?

– Нет, он закрытый, без зрителей. Я не знаю почему, так в

регламенте написано, – с каждым новым глотком чая и укусом бутерброда становилось все легче.

Конечно, по поводу регламента я наврал. Совесть меня не съедала – было абсолютно все равно. В конце концов, я хочу пригласить туда Настю, а не Вику, и почему я должен себе отказывать в этом?

– Жаль, – девушка повесила голову. Ее лицо исказила гримаса грусти. Я, чтобы хоть как-то успокоить Вику, крепко обнял ее и поцеловал.

– Прости, что так. Не я же пишу регламент. Если хочешь, я прочитаю тебе эти стихи, ну, которые собирался на конкурсе читать.

– Давай! – девушка аж подпрыгнула на месте от восторга и захлопала в ладоши.

Я прокашлялся и начал читать.

Чем измеряется счастье?

Может, кучей купюр в кармане?

Чем измеряется счастье?

Неужели часами Армани?

Чем измеряется счастье?

Дорогими большими квартирами?

Чем измеряется счастье?

Рублями, дублонами, лирами?

*Я не верил продажным уродам
И топтал сапогом их монету,
Кулаком бил косматые морды,
Но насмешка была мне ответом.*

*Мне сказали, что я не достоин
Быть счастливым – за мной ни гроша.
Я устал, я был всем недоволен,
Но шагал вопреки, не спеша.
Чтобы скалили дьяволы зубы,
Чтобы в крике порвали глотки,
С ними надо быть очень грубым,
С ними надо быть крепче водки!*

*Чтобы поняли сукины дети,
Что душевный покой в ином!
Что не в деньгах счастье, не в этом!
Не в обыденном и земном.*

*Чтоб задались уроды вопросом:
В чем тогда измеряется счастье?
Ну а я отвечал им гундосо:
Все в человеческой страсти.*

*В чем измеряется счастье?
В предрассветных прогулках по холоду.*

*В чем измеряется счастье?
В слове прекрасном – молодость.*

*Что называется счастьем?
Улыбка любимой с утра.
Что называется счастьем?
С детьми со своими игра.*

*Дьяволы скалятся молча.
Сказать мне им больше нечего.
На их взгляд возбужденный, волчий,
Говорю им: «Привет. До вечера».*

*Я в себе победил этих дьяволов
И избавил себя от беды.
Слушай, друг, посмотри-ка внимательно...
Победил ли дьяволов ты?*

– Отличные стихи, волшебные, великолепные! Какой же ты у меня поэт! – девушка повисла у меня на шее. Я чмокнул ее, довольно улыбнулся и закурил. Стало заметно легче и вертолеты, кажется, отступили.

– Пойдем спать? – сказал я через три минуты, когда бычок упал в пепельницу. – Только разбуди меня в десять.

– Пойдем. Тебе нужно хорошенько отдохнуть, – Вика широко улыбалась, пристраиваясь рядом со мной и накрывая

наши тела легким летним одеялом.

Все-таки счастье?

Викиной помощи мне не потребовалось – встал сам и даже не в десять, а в половине девятого. Голова гудела, внутренности болели и продолжали крутиться, будто были белем, а я – стиральной машинкой. Настроение мое полностью соответствовало общему состоянию. Я сел на край кровати и закурил.

– Ты чего так рано? – спросонья спросила Вика, протирая глаза.

– Спи, спи, – я чмокнул ее в лоб и уложил обратно. Чем меньше она бодрствует, тем меньше ей нужно уделять внимания.

Я отправился на кухню, где достал из холодильника банку пива, довольный сел за стол, пшикнул крышкой и жадно присосался. С каждым глотком настроение мое поднималось. Я чувствовал себя ангелом, сошедшим на землю, будто сейчас все счастье и благополучие мира свалилось на меня, будто я познал дзен, впал в нирвану и вообще постиг максимальную степень блаженства. И тут меня осенило.

Я сорвался с места и побежал в комнату, за рабочий стол. Закурил вторую сигарету и принялся уничтожать пустое пространство на листке, заполняя его рифмами, мыслями и идеями. Работа шла не легко, но и не трудно – образ настойчиво висел в голове, а строки как-то по себе выстраи-

вались в аккуратные и красивые ряды, грубо и жестко пере-черкивая и замалевывая худшие варианты.

– Черт, ручка кончилась, – психанул я, кинул пустую ручку куда-то в сторону окна и принялся искать новую.

Мысли шли рекой – только успевай записывать. Я рассмотрел, казалось, уже тысячи вариантов, как оформить весь этот огромный сплошной поток, но не мог нащупать, почувствовать того, что хотел сказать больше всего, не мог подобрать наиболее точные слова. Ручку я нашел только спустя семь или восемь минут – за это время через мой мозг прошло чуть ли не в миллиард раз больше, чем прошло за прошлые полчаса, поэтому я моментально накинулся на листок, вдоль и поперек исписывая его так, будто был старым летописцем со склерозом – записать событие нужно срочно, прямо сейчас, иначе через пять минут я забуду все и людям из будущего будет невозможно узнать мое настоящее.

Наконец, стихи были закончены. Я довольно перечитывал их, блаженно докуривая последнюю сигарету из пачки. Вика по моей просьбе направилась в магазин, а обед уже был в процессе приготовления – на кухне что-то кипело, бурлило и приятно пахло мясом и специями. Часы показывали уже половину второго, а это значило, что времени оставалось немного. Руководствуясь этими помыслами, я пошел в душ.

– Ты где? – вопрос Вики застал меня тогда, когда я уже выходил из душа в одном полотенце.

– Сейчас оденусь и приду есть, – улыбнулся я, целуя ее.

– Хорошо, – Вика страстно закусил губу. – Может, ты сегодня немного опоздаешь на встречу?

– Я постараюсь прийти домой пораньше, – хищно улыбнулся я, сжимая своей ладошкой ягодицу девушки.

– Буду ждать, – прошептала она мне на ухо, и шевеление в полотенце было уже невозможно сильным. Но я должен был идти, поэтому быстро оделся, поел и выскочил из квартиры. На лестничной площадке я закурил и бодро побежал вниз. В подъезде сильно воняло хлоркой – дышать было тяжело, а глаза резало, поэтому сигаретный дым даже несколько помогал.

Денег у меня оставалось достаточно, но я подумал, что если можно не тратить лишний раз, то я и не буду – поэтому решил дойти пешком. Топать здесь было не так, чтобы уж и далеко – минут сорок-пятьдесят пешком. Погода была хорошей, несмотря на то, что лето было в самом разгаре. Я воткнул наушники в уши и шел, наслаждаясь городскими видами, музыкой и своей неожиданной прогулке. По пути мне попался ларек с квасом, где я приобрел себе целый пластиковый стакан обжигающе холодного напитка и с наслаждением растягивал его, как только мог.

Вдруг меня кто-то потрепал за плечо. Я остановился и приготовился драться, но когда обернулся, увидел только безобидного дедка в хэбэшной рубашке и кепке, имитирующей моряцкую фуражку.

– Извини, сынок, папироской не богат? – его лицо выгля-

дело настолько добродушным, что я не смог ему отказать.

– Держи три, отец, кури на здоровье, – мое лицо расплылось в подобной добродушной улыбке.

– Спасибо, сынок, вовек не забуду, – дед пожал мне руку и поторопился куда-то. Я проводил его взглядом. Дедок без проблем перевесился через забор, сорвал с клумбы несколько цветов и почапал к какой-то бабке, сидящей во дворе. Дальше я смотреть не стал, но настроение поднялось еще больше.

Дальнейшая дорога до памятника пролетела незаметно – я погрузился в непонятные, неосязаемые мысли. Бывает же так – ты вроде думаешь о чем-то, думаешь, а понять и осознать, чем же заполнен твой мозг никак не можешь.

Я присел на лавочку и закурил.

– Привет, я подсяду? – Настя с ехидной улыбкой примостилась рядом. Я оценил прикол и широко улыбнулся. – Давно сидишь?

– Только закурил, – глазами показал я на только прикуренную сигарету.

– Ну и славно, – девушка тряхнула волосами, и я конкретно засмотрелся на нее.

Лицо Насти, казалось, было обычным лицом – обычные карие глаза, обычные выразительные брови, средней длины ресницы, небольшие щечки, ямка в подбородке. Но для меня оно было самым красивым лицом, самым волшебным, потому что я давно знал все эти черты, знал их так хорошо, что

мог расписать их так подробно, что позавидовал бы любой судмедэксперт.

– Ты чего? – улыбнулась девушка. – Соскучился что ли?

– Именно, – ответил я и обнял ее.

– Я, конечно, рада, но зачем ты позвал меня? – немного сдавленно произнесла она из моих объятий – так сильно я ее обнял.

– Завтра конкурс стихов, – начал я, продолжая пожирать девушку глазами. – Я хочу, чтобы ты послушала. У меня есть два варианта. Один, который я изначально хотел рассказывать, и второй, который я написал сегодня. Думаю, ты в состоянии оценить, что лучше.

– Хорошо, – она улыбалась мне, и я таял от ее улыбки. Но все не было так радужно, как хотелось бы.

Дело в том, что я действительно видел все эти черты раньше, даже до знакомства с Настей. Ее находчивость, ее интонации, ее жесты – все это было знакомо мне до боли. До жестокой боли в груди, до такой невыносимой боли, из-за которой я и писал все свои стихи, из-за которой и жаловался Владу, из-за которой и выполнял его план. Это были не Настины жесты, не Настины эмоции и не Настины интонации. Это все принадлежало Ей. Ей, Ей и только Ей.

– Ты чего задумался? – девушка легонько потрогала меня за плечо. От прикосновения ее тонких длинных пальцев я ощутил на себе Ее прикосновение. Легкий ветерок коснулся моего лица, и я подумал, что это дуновение прошлого, ка-

кой-то судьбы, что ли. Она, Она преследует меня всегда и везде, но я никогда бы не мог подумать, что смогу встретить девушку, настолько похожую на Нее.

– Алло, – Настя уже щелкала у меня пальцами перед лицом. Только тогда я одернулся, достал пачку и закурил еще одну.

– Не многовато ли? Только первую выкинул, – девушка неодобрительно посмотрела на меня и даже скорчила злую рожицу.

– Нормально, – улыбнулся я и взял ее за руку. – Сейчас я докурю и прочитаю тебе стихов. Извини, я просто мало спал сегодня...

– Я все понимаю, – второй рукой она гладила тыльную сторону моей ладони. Тепло от ее прикосновений растекалось по телу и было лучше любого алкогольного опьянения.

– Как там отец? – я пытался завязать разговор. Я понимал, что это мой последний и единственный шанс. Шанс все исправить. Шанс обрести все.

– Да нормально. Спрашивал пару раз про тебя, я кое-как отделалась от него. Все думал, что мы с тобой встречаемся, – девушка мило улыбнулась и положила мне голову на плечо.

– Это хорошо, что отделалась, – улыбнулся я ей в ответ и поцеловал в лоб. – А как он ничего не заподозрил, если пар в июле уже нет, а сессия закрыта?

– Не знаю, – рассмеялась девушка. – Ты загадочный какой-то.

– Обычный вроде, – я пожал плечами и добил сигарету. – Значит, слушай.

Я рассказывал ей оба стихотворения. Сначала одно, которое уже читал Вике. Настя внимательно вслушивалась в каждую строчку, довольно кивая или наоборот, отрицательно качая головой.

– Неплохое, – сказала Настя, как только я закончил. – Но мне кажется, что для конкурса этого может быть недостаточно. А второе?

И я начал читать второе. Оно было гораздо меньше, чем первое, но нравилось мне намного больше. Я с наслаждением погрузился в чтение и старался работать с интонациями и акцентами максимально аккуратно.

Эти стихи куда больше понравились девушке. Это было видно по ее поведению – теперь она закрыла глаза, терлась щекой о мое плечо и крепко сжимала руку, когда я особенно выделял какие-то моменты.

– Пожалуй, это будет лучше, – она мило улыбалась и смотрела на меня полными восхищения глазами, когда я закончил.

– Хочешь интересный факт об этих стихах?

– О вторых?

– Да, о вторых.

– Когда я их писал, вспоминал, как ты выглядела, когда разбудила меня после той ночи, – я нелепо улыбнулся. Это была полнейшая правда.

– Это мило, – она улыбнулась и поцеловала меня.

– Давай сходим куда-нибудь? – предложил я, вставая с лавочки и подавая девушке руку.

– Давай.

– Ты занята завтра? – полюбопытствовал я.

– А что? – девушка игриво смотрела на меня.

– Завтра конкурс. Сходишь со мной?

– Во сколько?

– В десять.

– Да, конечно, с удовольствием! – Настя обняла меня и чмокнула в щеку.

Я смотрел на Настю и видел Ее. В прикосновениях, в объятиях и поцелуях я чувствовал только и только Ее, и от этого мне было так тепло, счастливо и уютно, что я не понимал, где нахожусь – на земле или уже в раю. Девушка тоже была счастлива – видимо, я сильно ей понравился и она ждала встречи.

С момента сегодняшней встречи прошел всего час, но я был влюблен по уши, как и тогда. Собственно, это была та же самая любовь – я любил Ее, а Она нашла свое воплощение в Насте. Настя была копией моего идеала внутренне и внешне. Я до сих пор не знал, почему не увидел этого сразу, почему не заметил еще тогда, в ту ночь или то утро.

Сначала мы пошли в кино. Фильм был не очень, но мы и без этого занятно провели время на последнем ряду. Затем пошли в кафе перекусить, потом просто гуляли по парку, а

вечером я вызвался проводить девушку до дома.

Еще было вполне светло, но потихоньку смеркалось. Я хорошо помнил, где она живет, поэтому уверенно шагал в ту сторону, держа Настю за руку. В переплетении наших пальцев я за пару часов нашел уже, казалось, утерянный смысл жизни. Девушка была абсолютно счастлива, но ее счастье не могло сравниться с моим. Я нашел Ее. Нашел, и теперь никогда не позволю себе Ее потерять.

– Ты чего опять задумался? – Настя шутливо пихнула меня в бок.

– Больно, – я наигранно выпятил губу.

– Извини, – она тоже наигранно расстроилась.

– Прощение надо заслужить, – сказал я, указывая пальцем на свои губы. Реакция Насти не заставила себя ждать.

– А если серьезно, что случилось?

– Да думаю о завтрашнем дне, как все будет, – отмахнулся я.

– Все будет хорошо, я тебе обещаю, – подмигнула мне девушка, и я решил больше не давать ходу подобным мыслям, пока не провожу ее.

– Ты боялась, что я не позвоню тебе? – наверное, неожиданно для Насти спросил я.

– Немного да, – она пожала плечами. – У тебя, наверное, много увлечений.

– Увлечение у меня одно – поэзия, – хитро улыбнулся я. – А ты мне понравилась.

– Ты мне тоже, – Настя мило улыбнулась и сжала мою руку еще крепче.

Домой я пришел приблизительно в половину десятого, будучи полным духовного и физического спокойствия. Меня ничего не раздражало и даже не хотелось выпить, что стало редкостью в последнее время. Я закурил сигарету и уютно устроился в кресле. Есть не хотелось – еда из кафе пока что плотно забивала желудок. Я закрыл глаза и еще раз представил Ее и Настю. Одно лицо. Одни интонации. Одни жесты. Я улыбался так широко, что уголки рта, казалось, сейчас лопнут вместе с губами.

– Извини, я уснула, – Вика села рядом, выводя меня из раздумий. – Есть будешь?

– Нет, прости, я уже поел.

– Где? – Вика напряглась и даже немного приподнялась, будто собираясь устроить мне скандал.

– На встрече, где же еще.

Девушка замолчала, видимо, смакуя и пытаясь понять, лгу я ей или нет. Видимо, сойдясь душой и сердцем на последнем варианте, она снова заулыбалась и игриво позвала меня в кровать. Сопротивляться ей не хотелось, да и я обещал – пришлось сдержать свое слово.

Забавное происшествие

Утром я бодро проснулся по будильнику ровно в семь часов утра. Настроение было прекрасным. Я вышел на балкон и закурил сигарету, разглядывая пробуждающийся город.

Напротив моего дома зажигались огни ТЦ, готовящегося к открытию. Работники его лениво топали к парадным дверям. Машины, бегущие по шоссе, несли своих хозяев навстречу очередному рабочему дню. Несмотря на всю обыденность этого утра, я видел жизнь этого города – бурлящий поток людей, пусть и немного хиловатый по сравнению с этим же потоком в любое другое время года, огромные высокие деревья с густыми, насыщенными зеленым кронами, колонны автомобилей, ревущих и тихих, старых и новых – все это заставляло чувствовать, что город живой, как и я, как и мы все. Его огромное сердце, кипящее в бойлерных, кровеносная система в виде труб, тяжелые засоренные большие легкие – трубы коптящих небо заводов – все это было таким же настоящим, таким же осязаемым, как если бы город был человеком.

К сожалению, времени на дальнейшие размышления у меня не было, и я вынужден был пойти в душ, завтракать и собираться на конкурс. По прогнозу сегодня должно было быть жарко, поэтому я не стал надевать пиджак, а рукава рубашки закатал до локтей. Вику на выходе я будить не стал –

девушка сладко спала и будить ее совершенно не хотелось. Выглядела она чересчур мило, отчего я расчувствовался и даже поцеловал ее в лоб.

Я хотел набрать Владу, чтобы он подкинул меня до Насти, но, взглянув на часы, подумал, что он наверняка еще спит, поэтому решил доехать на маршрутке – нужный автобус ходил часто, поэтому опоздать я не боялся. А там уже от дома девушки до ДК рукой подать.

Все так и произошло – я не спеша дошел до остановки, покурил, сел в автобус, который подошел аккурат после того, как я выкинул бычок, и, довольный, вышел на нужном мне месте через каких-то двадцать минут.

Настя собиралась долго – позвонила и предупредила, что мне придется подождать. В принципе, я все понимал, поэтому ругаться не стал.

Сразу же за звонком девушки последовал звонок Вики – сегодня она решила пойти прогуляться со своей подругой вечером. Я сказал ей, что если они закончат поздно, она должна будет набрать, чтобы я ее встретил. Эту новость Вика восприняла с какой-то непонятной для меня радостью. Видимо, она оценила такой знак внимания.

Я присел на скамейку у подъезда и закурил. День начинался хорошо. Единственное, что меня немного огорчало – начинала подниматься жара. Я люблю лето, но терпеть не могу, когда на одежде остаются мокрые пятна в районе груди, спины и подмышек. К тому же, начинал потеть лоб, и малень-

кие мерзкие капли затекали в брови, из-за чего последние постоянно чесались.

Прошло около пятнадцати минут. Вдруг дверь подъезда распахнулась и Настя выпорхнула оттуда, будто ангел, сходящий с небес на землю.

Я не мог налюбоваться девушкой. Летняя рубашка, милая юбочка, практически полное отсутствие макияжа – ничего лишнего, только что-то необходимое, как она считала, только то, что подчеркивало ее и так яркие достоинства.

– Извини, что опоздала, – девушка обняла меня. Сердце ее билось быстро, а дыхание было тяжелым – видимо, она сильно торопилась. До меня донесся легкий запах ее духов. Я растворился в объятиях, я был убит, сражен наповал. Я был абсолютно счастлив. Ведь Она обнимала меня.

– Ничего страшного, – я улыбнулся и поцеловал девушку. – Пойдем? А то времени уже мало остается.

– Да-да, конечно! – она тут же схватила меня за руку и я почувствовал приятное тепло, распространяющееся по телу.

– Выспалась?

– Выспишься тут! – девушка хихикнула и махнула рукой. – Я, блин, встала в шесть утра, чтобы собраться, одеться, накраситься. Думала, что так уж точно не опоздаю. И все равно...

– Да успокойся, – улыбнулся я и чуть сильнее сжал ее руку. – Ничего страшного. Ты просто чудесна сегодня.

– А в остальное время, значит, не чудесна? – Настя широко

ко улыбалась и смотрела на меня.

– Ты всегда восхитительна, а сегодня просто как-то по-особенному.

– Ладно-ладно, – она продолжала улыбаться, и я улыбался вместе с ней.

ДК встретил нас молчаливым спокойствием – внутри неторопливо ходили с бумагами организаторы и судьи, участники конкурса бубнили про себя стихи, а зрители в основном сразу проходили в зал.

– Вы участник? – обратился ко мне какой-то приятный на вид мужчина средних лет.

– Да, так точно, – улыбнулся я.

– Пройдите на регистрацию, – он приветливо улыбнулся и указал рукой на стол, где, собственно, проходила та самая регистрация.

Там я поставил свою подпись, подтвердив, что явился. Даже пришлось показывать паспорт, чтобы подтвердить свою личность. Женщина, сидящая там, что-то пробормотала и отпустила меня с богом, предварительно указав, где находится выход на сцену и во сколько мне туда идти.

Выступал я одним из последних, поэтому у меня было время послушать других участников. Делать этого я не хотел, но Настя настояла, чтобы мы их посмотрели. Спорить с ней я не мог, поэтому мы, купив в автомате два стакана с лимонадом, направились в актовый зал.

Актальный зал был обычным актовым залом – стулья в красном сукне, достаточно высокая, но не сильно большая сцена, столы жюри прямо перед ней, зеленый занавес. Обстановка была чуть ли не праздничная, несмотря на то, что зрителей было немного.

– Волнуешься? – спросила меня Настя, когда мы уселись в кресла.

– Немного, – честно ответил я.

– Не волнуйся, – девушка поцеловала меня в щеку и она тут же загорелась пламенем. – Ты у меня самый лучший, так что все будет хорошо. А призы какие?

– Первый приз пятнадцать, второй десять, третий пять.

– Тебе светит только первый, – девушка искренне улыбалась, обхватив мою руку. – Ты справишься.

– Надеюсь.

Как только я это сказал, на сцену вышел человек и начал говорить.

– Здравствуйте, дорогие друзья, авторы и слушатели, ценители и любители литературы! Мы рады приветствовать Вас на региональном конкурсе поэзии, посвященному двестидвадцатипятилетию замечательного, можно даже сказать культового писателя Александра Сергеевича Грибоедова. Сегодня перед Вами выступят поэты со всех уголков нашей области. Каждый из них достоин выступать здесь, поэтому относитесь, пожалуйста, с уважением. В составе комиссии жюри: Молчанов Олег Дмитриевич, главный редактор изда-

тельства «Эскимо»! Журавлева Валерия Алексеевна, преподаватель русского языка и литературы, член жюри предметной комиссии Всероссийских олимпиад! И, наконец, Белов Сергей Александрович, доктор филологических наук, заслуженный артист России!

Зал загудел в овациях. Настя звонко хлопала в ладоши, а я лишь нехотя стукнул ими пару раз. Состав меня не особо радовал. А где же сами поэты в жюри? Пусть даже не поэты, хотя бы обычные писатели прозаики! Им же гораздо более понятны ощущения, которые ты испытываешь, когда пишешь, когда читаешь, они лучше понимают, что ты хотел сказать и почему, какой смысл закладывал в свои строки.

– С Вашего позволения, конкурс объявляется открытым! – ведущий удалился со сцены под не прекращающийся шум аплодисментов.

Первый десяток я выдержал еще более-менее нормально. Стихи были самые разные – и большие, и маленькие, и средние, и плохие, и хорошие. Несколько рифм я даже взял себе на заметку.

После каждого выступления Настя шептала мне на ухо ее ощущения, говорила о слабых местах соперников, где можно было бы добавить сильнее, где слишком перегнуто и тому подобное. Честно говоря, все это я прекрасно понимал и без нее, но сообщать об этом девушке не стал, чтобы не обижать. В конце концов, если она рассказывает мне это, значит, ей нужно это рассказывать.

После второго десятка поэтов я не выдержал и ушел курить. До моего выступления оставалась еще одна десятка, а сидеть в зале и слушать я устал – вторая партия авторов была такой тусклой на фоне первых десяти, что выносить это было просто невозможно.

На улице я прикурил и судорожно начал повторять в голове строчки своего стихотворения. Правда, полностью проговорить его у меня не получилось – на улицу вышел тот самый Соколов.

– Знакомые все лица, – улыбнулся я и подошел к нему. – На конкурс?

– Ага, – он улыбнулся и пожал мне руку. – В баре ты меня уделал, но сегодня тебе не удастся успех повторить.

– Я бы не зарекался, – улыбнулся я, выдыхая дым.

– Я выступаю прямо перед тобой. Уже скоро пойдем.

Мы молча курили, каждый думая о своем.

– Слушай, ты извини, что там так получилось. Я не хотел тебя оскорблять, просто пьяный был сильно. Да и те стихи твои, если честно, говно полное.

Соколов только хмыкнул, но потом сказал, что обиды не держит и мы вернулись в актовЫй зал.

– Чего так долго? – наехала на меня Настя. – Тебе выходить через пять человек!

– Ну я же не опоздал, верно? – улыбнулся я, поцеловав ее в щеку.

– Получишь, блин, – пожурила меня девушка, но тут же

успокоилась и взяла меня за руку. – Тут были одни хорошие стихи, я даже не особо нашла, к чему прикопаться.

– Я бы нашел, – улыбнулся я.

Очередной участник закончил и на сцену неуклюже вскарабкался Соколов.

– Мне пора, – сказал я, поднимаясь и попутно целуя Настю в щеку.

– Удачи, – она смотрела на меня, пока я тихо уходил к выходу.

Ожидание выступления – самая худшая его часть. Тебе нужно подождать всего лишь пару минут, но за эти пару минут тебя всего трясет, колбасит, мысли червями изрывают твой мозг, заставляя думать, что ничего у тебя не получится и вообще никогда не получалось. Но, как водится, если есть начало, то будет и конец. Меня пригласили на сцену.

Туфли громко стучали по деревянному полу. Этот стук сливался со стуком сердца. В висках пульсировало, грудь захлестнуло волнение и я подумал, что нужно было накатить сто грамм перед выступлением. Заняв место у микрофона, я окинул взглядом зал, нашел Настю, поймал ее одобрителный кивок и начал читать.

За окном понемногу светлеет.

Ветер глупый в форточки бьется.

Лучик света целует в шею,

Говоря о восходе солнца.

В мыслях была только Она. Каждая строчка, каждый слог, каждая буква была пропитана любовью к Ней. Настя смотрела на меня такими же восхищенными глазами, как и вчера, когда я впервые читал ей эти стихи. А через Настю, Настинными глазами на меня смотрела Она. Эта поддержка была для меня самой важной, жизненно необходимой, как воздух.

*Ты потянешься нежно в кровати
И ладошкою скроешь зевоту.
Легкой дрожью по телу прокатит
И оставишь за бортом заботы.*

*Только вдруг станет грустно и больно.
Вымрут крики дворовых ребят...
Я прошу тебя, милая, помни:
Солнце встало, чтоб видеть тебя.*

Я неуклюже поклонился, и под громкие аплодисменты удалился со сцены обратно в холл.

– Ты был великолепен! – девушка запрыгнула на меня, а я чуть было не свалился с ног от такой неожиданности.

– Да ладно тебе... Обычные стихи.

– Не обычные, Саша, не обычные, – она спрыгнула и обняла меня, головой спрятавшись мне в грудь.

– Там много еще?

– Человека три-четыре, точно не помню, – сконфуженно произнесла девушка.

– Пойдем, покурим?

– Пойдем.

Мы вышли на улицу. Я достал сигарету из пачки и прикурил. Настя воздержалась. Она просто стояла в стороне и смотрела на меня, а я смотрел на Нее. Она жила внутри Насти, самой Насти будто не существовало – Она полностью захватила ее.

Вдруг дверь распахнулась и из ДК снова показался Соколов.

– Неплохо, – сказал он, прикуривая сигарету. – Вполне.

– Я твоих не слышал, извини, – ответил я, не испытывая абсолютно никакого чувства вины.

– Ничего страшного. От сына услышишь, когда им в школе зададут классиков учить, – ухмыльнулся Соколов.

– Не много ли пафоса? – язвительно спросил я, выбрасывая окурок в урну.

– В меру, – подмигнул он мне.

Когда мы с Настей вернулись в зал, был объявлен технический перерыв для объявления итогов.

– Пойдем еще лимонада выпьем, – девушка посмотрела на меня щенячьим взглядом и я не смог отказать.

– Пойдем, – улыбнулся я.

Автомат, конечно, обдирает по полной – за стоимость двух маленьких стаканов я мог купить одну двухлитровую бутыл-

ку. Но бежать до магазина было страшно – вдруг не успею на награждение?

– Жарко так, – Настя обмахивалась ладонями, пытаюсь отогнать жару. Помогало, видимо, плохо.

– Что есть, то есть, – я попытался помочь ей, но вышло не очень. – Слушай, а тут буфет есть?

– Не знаю, – лениво протянула девушка, перестав обмахиваться. Сдалась все-таки.

– Извините, а тут есть буфет? – я обратился к тому самому мужчине, который встретил нас на входе.

– Да, вон туда и налево, – он указал рукой направление. Я поблагодарил его, взял девушку за руку и мы двинулись искать буфет.

– А зачем он тебе? – поинтересовалась Настя.

– Мороженое, – я постучал пальцем по виску.

– Как ты хорошо придумал, – лицо девушки расплылось в блаженной улыбке.

Буфет мы нашли быстро и так же быстро взяли себе по мороженому. Настя ела медленно и аккуратно, а я буквально за три-четыре укуса проглотил свой брикет.

– Капец ты быстро ешь, – улыбнулась девушка. Несмотря на то, что ела она аккуратно, Насте все равно удалось сделать себе усы из мороженого.

– Я еще и котом могу подрабатывать, – сказал я, и, не обращая внимания на реакцию девушки, облизнул ее.

– А мурлыкать можешь?

– Только если за ухом почесешь, – улыбнулся я.

– Иди сюда, – нежно сказала девушка, и я подставился под почесушки.

– Товарищи! Товарищи! – вдруг завопил кто-то. – Быстрее в зал, там награждение начинается!

Я схватил девушку за руку и мы побежали на свои места. Зазвучали фанфары, на сцену выскочил ведущий.

– Дорогие друзья! Вот и подошел к концу наш великолепный конкурс! Сегодня мы выслушали множество изумительных стихотворений, и если бы решал я, то, несомненно, отдал бы всем первые места. Но, к сожалению, такое бывает только в утопиях, поэтому слово предоставляется нашим судьям!

Слушать судей я не хотел, поэтому попросил Настю сказать, когда начнут вызывать победителей, а сам отключил поток мыслей и ушел глубоко в себя.

– Все, начинается! – Настя начала тормошить меня за плечо и я вышел из транса.

– На сцену приглашается лауреат третьей степени Носов Сергей!

По ступенькам поднимался крупного вида паренек, больше похожий на боксера, нежели на поэта. Его выступления я не видел, значит, он был где-то в конце.

Пока он что-то говорил, я мысленно настраивался, как сейчас буду унижать одним только взглядом Соколова, которого вызовут на второй приз, а я заберу первый, как он будет

жалким взглядом смотреть на меня снизу вверх, и как будут трястись от злости его маленькие нелепые кулачки. И я уже было подготовился, если бы не...

– На сцену приглашается лауреат второй степени – ... Александр!

Я опешил. Настроение быстро скатилось в пизду и хотелось просто взять и взорвать к хуям этот актовЫй зал вместе со всеми его слушателями, жюри и участниками. Но выходить приходилось, да и десять тысяч на дороге не валяются. Кроме того, в голову взбрела кое-какая идейка.

Я поднялся на сцену, пожал ведущему и членам комиссии руки, принял конверт и грамоту. Деньги я предусмотрительно положил в карман и начал говорить свою «торжественную» речь.

– Прежде всего, я хотел бы отметить высокий уровень своих конкурентов, – я лукаво улыбался и по взгляду Насти понял, что она просекла, что я затеял что-то недоброе. – Стихи их были действительно достойными. Поэтому, занимая даже всего лишь второе место, я горжусь тем, что смог поучаствовать здесь, в этом конкурсе, посоревноваться с такими серьезными и уважаемыми людьми. Спасибо организаторам, спасибо участникам и спасибо слушателям. Разрешите откланяться.

Я неловко поклонился и отошел в сторону, где стоял Носов. Он протянул мне руку, и я ответил тем же. Даже неловко перед ним получится.

Первое место занял, конечно, Соколов. Он кинул на меня такой взгляд, какой я себе представлял в голове, когда мечтал о первом месте. Ну ничего, друг, мы с тобой еще поквитаемся.

Пока Соколов говорил свою речь, я присматривался, где он держит конверт и морально настраивался на совершение административного или даже уголовного правонарушения. И как только этот недоавтор закончил, я выскочил перед всеми, стоящими на сцене и обратился в зал.

– Товарищи! Вот что случается, когда призовые места распределяют несправедливо!

После своей реплики я развернулся и хорошенько приложился Соколову по челюсти. Тот тут же упал навзничь, очки его слетели и разбились. На меня моментально накиннулись ведущий и Носов, но я ловко отпрыгнул и они стукнулись лбами, после чего начали месить друг друга. Затем на меня полезли главный редактор «Эскимо» и народный артист России. Первому я хорошо вмазал, а от второго прилетело уже мне. Из носа пошла кровь, заливая рубашку и пол. Я отпрыгнул в сторону, дал с ноги по ребрам Носова, уже возвышающегося над ведущим, после чего успешно ударил по затылку редактора, прокричав что-то вроде «Так вам всем, скотам». Метнув взгляд на Соколова, я заметил искомый конверт. Он лежал совсем рядом со счастливым обладателем. Под шум драки на сцене и начинающегося уже конфликта в зале, я подобрался максимально близко, но словил тяжелый и точный

удар по голени от народного артиста. Интересно, а в списке его регалий не было мастера спорта по каким-нибудь единоборствам?

Артист запрыгнул на меня и начал месить ударами по затылку. Я не растерялся, и, приложив немало усилий, просто рухнул на спину, прижимая противника весом к полу, ловко извернулся и сам оказался сверху, моментально начав бить его по лицу. Оно было разбито в кровь, но артист не сдавался и заехал мне чем-то по голове, из-за чего все резко помутнело и я свалился на пол. Пока он пытался встать, я занимался тем же. Трудно было сказать, у кого получалось лучше.

Неожиданно для нас обоих появился Носов и продолжил избивать артиста. Мне все же удалось встать и я заехал с ноги по голове бывшего конкурента так, будто бы пробивал пенальти по футбольному мячу.

Носов упал прямо на артиста, а я, схватив конверт, бегом поковылял к выходу.

– Ты что там устроил? – Настя очень хотела кричать на меня, но привлечь лишнего внимания не хотелось. Я и сам успешно справлялся с этой задачей, отблескивая фонарями под глазами, разбитыми носом и губами и стабильно сильно прихрамывая.

– Ничего личного – просто бизнес, – улыбнулся я, потрясая воздух двумя конвертами.

– Ты идиот? Они же ментов вызовут, разборки будут, на

тебя первого подумают!

– Да и ладно, – отмахнулся я и закурил.

– Точно придурок. Что же мне с тобой таким делать?

– Любить, ценить и целовать.

– Ладно. Давай сейчас я в аптеку забегу, обработаемся, а потом решим, что делать.

– Сначала надо во дворах залечь, – улыбнулся я и медленно поплелся в сторону ближайшего двора.

– Нет, ну точно придурок...

Спустя полчаса я уже сидел обработанный-перемотанный и довольно жевал гематогенку, заботливо купленную Настей в аптеке.

– И куда мы теперь? – спросила девушка, кладя голову мне на плечо. Я обнял ее, скорчившись от боли.

– А теперь мы, Настенька, пить.

Преддверие тишины

– Знакомый бар, да? – улыбнулся девушке я, отодвигая стул и приглашая ее присесть.

– Да уж, – она улыбалась мне в ответ.

– По пивку?

– По пивку, – она утвердительно кивнула головой и положила ее мне на плечо.

Я подозвал официанта и сделал заказ. Вечер предстоял быть хорошим, но я планировал вернуться домой вовремя – и у Насти проблем не будет, и у меня. В конце концов, она живет с отцом, а я живу с Викой, так что по поводу позднего возвращения истерики можем выслушать мы оба. Времени у нас было достаточно, так что я расслабился, закурил и обнял девушку, ожидая заказ.

– Зря ты так все равно сделал, – сказала мне девушка. – А если разборки будут?

– Да и пусть будут, – отмахнулся я рукой. – Ничего страшного.

– А вдруг посадят?

– Тогда там всех пересажают, – умехнулся я. – Там потом видела, какая драка была? Этот Носов чуть не убил то ли редактора, то ли артиста, я уж не помню, все между собой попереписдились, а я сяду один?

– Так Соколов подаст за кражу!

– А кто видел-то? Всех проверять будут, да и получают все.

– Ты же затеял все. На тебя и подумают.

– Это будет потом, – улыбнулся я. – А сейчас я с тобой и мне хорошо.

Девушка мило улыбнулась в ответ и поцеловала меня.

Нам принесли наше пиво и мы бодро начали поглощать его. Шло оно легко, попутно не менее легко шли сигареты (только у меня – Настя не курила), а вместе с этим и еда – проголодались мы знатно. Разговор клеился легко и чувствовал я себя просто отлично – Настя, а если быть точным, Она, смотрела на меня влюбленными, сияющими глазами, а мне казалось, будто взгляд этот проходил сквозь меня, пролетал сквозь стены бара, сквозь земную атмосферу и кометой улетал далеко-далеко в космос, рассекая пространство между планетами, задевая звезды, проносясь мимо далеких галактик, куда никогда не сможет попасть человек. Этот взгляд был самым важным для меня сейчас, такой родной и такой теплый. Он обжигал меня любовью, счастьем и радостью, и я не мог оторвать взгляд от девушки.

– Ты чего залип? – Насте сделать это было проще и она потянулась за пивом. – Раздеваешь глазами небось?

– Даже не думал об этом, – медленно покачал головой я. – Люблю тебя просто.

– Ух ты, – Настя закашлялась и подавилась пивом. – Не быстро ты?

– Не знаю, – весело пожал плечами я и закурил.

– А знаешь, – девушка игриво посмотрела на меня. – Может, я тебя тоже люблю.

– А почему «может»? – я не сильно расстраивался, потому что, в принципе, оценивал подобные варианты, но полностью был уверен в том, что, по крайней мере, сильно ей нравлюсь.

– Знакомы мы не так много, понять тебя всего еще не успела, – Настя улыbnулась и пригубила из стакана.

Я тяжело вздохнул, но улыбался – я твердо был уверен в своих мыслях, ощущениях и чувствах девушки. Пока она пила, а мой бокал пустовал, я разглядывал помещение и мой взгляд как-то сам по себе упал на вход. В бар вошла какая-то симпатичная девушка, но самое интересное было не в этом – следом за ней вошла в помещение Вика. Я тут же чуть ли не с головой ушел под стол, а потом шепнул Насте, что пора уходить.

– Я выйду через черный вход, меня тут знают, а ты выходи через парадный. Потом все объясню.

Я максимально постарался вжать голову в ворот рубашки, насколько это было возможно, и в полуприседе пробрался к барной стойке.

– Бармен! – шепотом окликнул я его. – Бармен!

– Что? – он повел головой в поисках клиента, но не заметил меня. Тогда я высунул голову из-под стойки и позвал его снова. – Ты что, долбанутый? Что ты там делаешь?

– Тише ты, – шикнул я ему. – Срочно через черный ход

меня.

– Зачем? – бармен вообще отказывался принимать ситуацию.

– Открой, я тебе говорю, – поторопил я его, и, покинув позицию, обошел стойку и пришел к бармену.

– Нупусти меня, – я тянул его за штанину, будто маленький ребенок, требующий игрушку в магазине. Постоянно находиться в полуприседе было сложно – ноги затекали и болели просто невыносимо, хотелось послать все, подняться и размяться. Но здравый смысл, еще присутствующий в моих пьяных мозгах, подсказывал, что все-таки стоит потерпеть.

– Ладно, ладно.

Я еле переставлял ноги за барменом, который пошел открывать мне дверь. До входа в служебное помещение оставалось буквально три метра, но ноги просто отказывались шевелиться. Я перестал их чувствовать, как будто у меня их и не было никогда. Кое-как мне все-таки удалось добраться до двери, за которой я наконец-то смог встать. Правда, не без помощи бармена. Мышцы ныли от неожиданной довольно статичной нагрузки, голень все еще болела от удара, да и в целом после таких драк не так уж и легко моментально восстановиться.

– Спасибо, – сказал я бармену, который все еще ничего не понимал.

– Ты завязывай с такими приколами, Саша, – тяжело вздохнул он. – А то так и будешь потом всю жизнь на карач-

ках ползать.

– За меня не переживай, – я пожал ему руку и дружески хлопнул по плечу. – Спасибо за помощь.

Через две минуты я встретился с Настей у парадного входа.

– И что это было? – она уперла руки в боки и смотрела на меня жгучим, призванным пристыдить взглядом.

– Да там человек зашел один, – я замялся и потер рукой шею. – Не особо хотелось с ней пересекаться. Неприятные воспоминания.

– Так бы сразу и сказал. Зачем пугать-то?

– Я не успел сразу сказать, – я закурил. – Пойдем дальше пить?

– Куда?

– На улице, – я улыбнулся. – Уже вечер, не так жарко. В магазине купим, да и всего делов.

– Как скажешь, – к Насте вернулись ее прежние улыбочка и настроение, поэтому и мое настроение подскочило.

Только сейчас я снова вспомнил про залитую кровью рубашку. Первый патруль ППС – и я в участке. Поэтому, с учетом нынешнего местонахождения Вики, мной было принято решение – срочно вызывать такси и ехать ко мне переодеваться. Об этом я сообщил Насте, но чтобы избежать неприятных эксцессов, пришлось начать этот разговор.

– Только учти, что со мной живет сестра двоюродная. Она такая мерзкая сволочь, что с ней лучше не пересекаться.

– А давно? – Настю даже не смутил этот факт, а меня смутило, что ее ничего не смутило.

– С прошлого года, она здесь в универ поступила, а у меня как раз хата свободна.

– А, ладно. Только ты быстро там давай, одна нога здесь, другая там. Когда доедем, я имею в виду.

– Какая ты у меня волшебная, – поцеловал девушку я, закурил и вызвал такси.

Через полчаса я уже выбежал из квартиры в новой чистой рубашке и с еще более хорошим настроением.

– А я тут в магазин заскочила, – Настя игриво помахала мне бутылкой коньяка.

– Ути моя умница, – я обнял девушку и поцеловал в лоб. – Пойдем?

– Пойдем, – Настя обхватила мою руку, прижалась к ней щекой и мы пошли дальше.

Уже к этому моменту мы были пьяные после бара, а сейчас, когда настало время тяжелой артиллерии, голова и сознание поехали куда-то в ебень. Мы бродили туда-сюда, нас шатало, прямая линия казалась чем-то невыносимым, бредовым, чем-то из прошлой жизни.

– Она жует свой орбит без сахара-а-а, – фальшиво орал я песню во всю глотку.

– И вспоминает всех, кого трахала-а-а, – тянула за мной песню Настя. Мне стало смешно и я ее поцеловал. Люди оборачивались на нас, но мне было так наплевать на это, так на-

плевать... Мы так и шли дальше, горланя песни, допивая бутылку, обнимаясь и целуясь. С Ней время летело незаметно. Оно даже как будто бы остановилось насовсем. Я упивался Ей, наслаждался каждой секундой, каждым мгновением. Я боялся, что это все мне приснилось, что все это алкогольный сон, и с минуты на минуту я должен проснуться, и сон этот развеется, как развеивается на ветру табачный дым.

Но ощущения от поцелуев, объятий и прикосновений были настоящими, осязаемыми, реальными. Я умиротворенно выдохнул и закурил.

– Уже десять, – девушка положила мне голову на плечо, когда мы сели на лавочку. – Пойдем домой?

– Да, пора бы уже, – прокряхтел я. – Сейчас докурю и пойдем.

Настя уставилась в одну точку. Девушка была изрядно пьяна и вела себя одновременно смешно и мило, из-за чего я не всегда понимал свои чувства и ощущения – смеяться или целовать? Но, тем не менее, было видно, что Настя либо в глубокой задумчивости, либо в процессе жесткого втыкания. Я же уже потихоньку начинал отходить, что было довольно странно для меня – обычно я быстро пьянею и долго хожу в таком состоянии.

– Слушай, – Настя продолжила наш разговор чуть ли не шепотом, тихо-тихо. – Это правда?

– Что правда? – действительно не понял я.

– Ну... То, что ты мне в баре сказал. Это правда?

Я начал вспоминать наш разговор в баре. Черт, я ведь вообще обо всем ей там говорил! О чем именно она? Не могу понять...

– Значит, неправда... – девушка отстранилась от меня и спрятала лицо в ладонях.

– Ну ты чего? – я обнял ее и начал гладить по голове. – Я просто не понимаю, о чем ты говоришь. Мы ведь многое обсуждали там...

– Понятно все, – я услышал тихий всхлип Насти и оторопел.

– Да что тебе понятно? – я старался говорить спокойно, но голос и алкоголь подводили меня, так что фраза все равно звучала резковато. – Объясни, я не понимаю. Ну пожалуйста!

– Да все вы одинаковые, – девушка уже вовсю плакала, а я только и делал, что обнимал ее и гладил по волосам. Что я мог еще сделать? – Сначала говорите, что любите, а потом «А о чем ты, блять, говоришь? Я не понимаю тебя». Да об этом говорю! Как же ты не понимаешь?!

– Ну... Мы тупые... – неуверенно протянул я.

– К тому же еще и козлы, – Настя скинула мою руку с себя и отсела. Косметика с ее глаз растеклась по всему лицу, и теперь она была похожа на какую-то экзотическую необычную панду, руки были запачканы, а тушь попала даже на ее рубашку.

– Да люблю я тебя, люблю, – я подсел к ней поближе и по-

пытался обнять ее снова, но она отпихнула мои руки и развернулась телом в другую сторону.

– Ну что? – я искренне не понимал причину такого поведения девушки. Сейчас бы задавать вопросы непонятные, а потом еще и обижаться на меня, ага. Весело придумала.

– Да дурак ты, – Настя повернулась ко мне и обняла меня.

– Э-э-э... – только и смог выдавить из себя я, обнимая девушку в ответ.

– Я тебя тоже, – мурлыкнула Настя откуда-то из под моей подмышки.

Черт разберет этих баб! Пару часов назад она говорит, что мы мало знакомы, сейчас заявляет, что любит меня! Хотя, наверное, это в ней играет алкоголь, и завтра утром ей уже будет стыдно за то, что она сказала. Правда, если она вспомнит об этом.

Я поцеловал девушку в лоб и закурил.

В половине двенадцатого я был уже дома. Алкоголь понемногу отпускал, но состояние было все равно не очень. Голова до сих пор кружилась, в ушах звенело, меня шатало из стороны в сторону и иногда даже хотелось умереть.

Вика лежала на диване, на животе, читала книгу и болтала ногами. На столике рядом с ней стояла початая бутылка вина, а в руке занял свое место бокал, на дне которого плескалась красная жидкость. Зрелище было очень милым и в каком-то смысле даже романтичным. Красоту девушки и окру-

жающей обстановки мой организм оценил по достоинству – легкое жжение ниже живота не заставило себя ждать.

– Пришел? – мило улыбнулась Вика, заметив меня, и пошла навстречу.

– Пришел, – улыбнулся я ей в ответ и обнял ее.

Вдруг Вика отстранилась от меня и с какой-то злостью посмотрела мне в глаза.

– Почему от тебя пахнет женскими духами?

Вот и приплыли. Начинается. Этого я почему-то не учел. Да и как она смогла учуять Настины духи сквозь жесткий перегар и невыносимый запах сигарет, въевшийся в каждую частичку моего тела и одежды.

– Не знаю, – пожал плечами я.

– А с кем ты пил?

– Один пил, – нелепо улыбнулся я.

– Из-за конкурса? – Вика, наконец, вспомнила, почему я уходил сегодня рано утром.

– В какой-то степени да, – я скорчил сконфуженную мину и отвел взгляд.

– А что случилось? – тут Вика громко ахнула, только-только заметив на моем лице последствия драки. Я достал из кармана свой конверт и потряс им перед девушкой.

– Второе место, – грустно улыбнулся я.

– Какой ты молодец! – девушка крепко обняла меня, и мне даже показалось, что я услышал хруст собственных ребер.

– Да какой молодец? – недовольная реплика вырвалась из

меня сама по себе. – Второе место – это не первое.

– И что? – девушка обхватила ладонями мою голову и прижала к себе. – Ты все равно большой-большой молодец.

В ее объятиях я не чувствовал себя комфортно, но мне следовало придерживаться своей роли, чтобы Вика не заподозрила неладного, поэтому я крепко обнял ее в ответ и стоял так, делая вид, что мне хочется всего происходящего сейчас. Хотя, на самом деле, я бы все же хотел получить сегодня от Вики кое-что. Поэтому я поцеловал девушку и приподнял ее. Вика все поняла и, повиснув на мне, обхватила мое тело ногами. Я позволил ее рукам свободно гулять по моему телу, в обмен на такие же действия с моей стороны. Жаркие поцелуи девушки все сильнее разжигали мое желание, и мы, оказавшись на диване, совершили то, что должно было случиться.

После, когда Вика уже спала, уютно устроившись у меня на груди, я закурил сигарету и смотрел в потолок. Было бы лучше, если бы рядом со мной сейчас лежала Она, ну или хотя бы Настя. Неожиданно мысли начали лезть в мою голову, хотя я ждал обычный здоровый сон. Их было так много, они кружились роем, летели гоночными болидами по трассе, но я все же смог выловить самые важные из них.

Единственное, что я смог понять точно – так это то, что Вику я не любил. Совсем. Она была просто развлечением, приятным бонусом за мою работу, мой характер и мои поступки, домохозяйкой, с которой иногда можно и нужно тра-

хаться. Я понимал, что это неправильно, что это по-скотски, но ничего не хотел и не планировал с этим делать.

С Настей же все обстояло гораздо сложнее и я не мог разобраться сам: действительно ли люблю я Настю или все еще люблю Ее? Настя для меня Настя, или все-таки просто оболочка для Ее мыслей, поведения, жестов, интонаций, мимики да и вообще Ее в целом? Может, Настя всего лишь тело, носитель всего того, что она каким-то неведомым мне образом переняла от Нее? Как мне воспринимать девушку, какие планы строить и как говорить с ней? Стоит ли рассказать ей о моей несчастной любви?

Я запутался и ничего не понимал. Я все-таки видел Ее в Насте, поэтому она и зацепила меня, заставляла чувствовать то же, что я чувствовал раньше. Но понять кого именно я люблю я был не в состоянии.

Но я все равно был счастлив. Счастлив по-настоящему, впервые за долгие-долгие годы, поэтому даже такие отвратительные мысли и самокопания не могли испортить мне моего счастья.

Я оставил бычок тлеть в пепельнице, закрыл глаза и наконец-то уснул.

Неожиданный гость или удары судьбы

Был обычный теплый июльский вечер. Лера сидела у себя на уютной, с любовью обставленной кухне, размеренно попивала чай с долькой лимона и мечтала о завтрашнем вечере, ведь завтра она наконец-то пойдет на свидание с тем милым Ромой, что приглянулся ей уже давно. Она закрыла глаза и представила их встречу.

Конечно, он будет хорошо одет – они же идут не куда-то непонятно куда, а в целый ресторан, где Лера была лишь однажды – на свадьбе своих богатых друзей. Ее очень потрясло, когда он сам наконец-то позвал ее туда. Девушка тут же стала думать о том, сколько денег уйдет в один вечер и на какие гроши придется жить до зарплаты, но Рома, увидев ее замешательство, потряс ее еще больше, сказав, что весь ужин оплатит сам.

Конечно, от него будет пахнуть хорошим парфюмом, причека будет великолепно, собственно, как и всегда. А сама она будет в своем сногшибательном платье, таком величественном, будто она не простой офисный работник, а сама ее Величество королева Англии.

И после ужина они сядут в его машину, он, конечно, откроет перед ней дверь и они поедут...

Сладостные мысли Леры прервал звонок в дверь. Девушка поежилась и недовольно хмыкнула. Она не любила, когда ее отвлекали от каких-то важных дел, а ведь мечтать об идеальном свидании с идеальным парнем – пожалуй, самое важное дело на всем белом свете.

Но делать было нечего, и Лера направилась к двери, поправляя на ходу прическу и мысленно проклиная всех и вся.

– Кто там? – громко и очень возмущенно, всем своим тоном показывая степень своего недовольства, крикнула девушка и тут же прильнула к глазку.

– Пусти... Пусти, пож... жалуйста... – за дверью стояла заревавшая Вика.

– Господи Боже, что же случилось-то? – замок щелкнул, открываясь, и Лера накинулась на Вику с объятиями. – Давай, разуйся, проходи. Тебе чаю или покрепче?

– Кофе, если можно.

Лера проводила свою подругу до кухни, не забыв помочь ей снять легкую куртку. Девушка заметно нервничала от происходящего и это самое происходящее абсолютно ей не нравилось. Наверное, Вика опять будет ныть про своего придурковатого парня Сашку, с которым у нее вечно нелады. Однако сердцу Леры что-то подсказывало, что все теперь уже не так уж и просто. Раньше Вика всегда предупреждала заранее о своих приходах и девушка успевала хоть как-то морально и физически подготовиться к многочасовым разговорам и поддержанию режима личного психолога.

Но сегодняшний визит Вики был чем-то особенным – Лера сама дрожала, как осиновый листок. Дребезжа носиком чайника о кружку, девушка кое-как все же смогла залить кипятком кофе для неожиданной гостьи и уселась за стол, подвигая напиток подруге.

– Все очень плохо, – усмехнувшись, начала Вика, затем отхлебнула из кружки и продолжила. – С Сашей все очень плохо.

Леру передернуло от очередного упоминания этого прикурка. Уже целый год Вика живет с ним и весь этот невыносимо долгий период девушка жалуется Лере на все подряд.

– Что случилось-то? – все-таки смогла выдать из себя девушка.

– Я не могу так больше, – Викины слезы обильно стекали по щекам, капая прямо в кружку с кофе. Лицо девушки опухло от частых и обильных рыданий и даже смотреть на нее было больно. – Он постоянно мне изменяет, грубит, уходит, оставляет одну... А я не могу так, не могу, я люблю его!

Лера под села поближе к своей подруге и обняла ее. Девушка не понимала, зачем так мучить себя, если тебя не любят и не ценят, если на тебя так откровенно кладут большой и жирный. В конце концов, она не понимала, зачем Сашка держит Вику, если она ему не нужна. Пользуется? Так если изменяет регулярно, пусть и пользуется теми, с кем изменяет.

– Так пошли его и все! Ну чего ты? Да за тобой, блин,

толпами будут бегать, толпами! – Лера изо всех сил пыталась успокоить свою подругу.

– Ты не понимаешь, что случилось! – Вика хотела ударить Леру, но вовремя остановилась.

– Так расскажи мне!

Я сидел на кухне у Насти и курил. Ее отец позавчера уехал в командировку на месяц, поэтому я решил практически прописаться здесь. На Вику мне уже было все равно – я даже сказал ей, что она может уехать, если ей не нравится жить со мной, но она почему-то осталась. Впрочем, я не заставлял ее этого делать, поэтому поведения своего не менял, постоянно пропадая с Настей. Стихи у меня не шли и за целый год я написал всего лишь восемь строчек. Влад магическим образом пропал, будто его и не было – на телефонные звонки он не отвечал, в социальных сетях его аккаунт был удален. Сначала я сильно переживал, а потом подумал, что если он успел все так тщательно за собой подчистить, то, вероятно, сам хотел пропасть. Я не стал разыскивать его. Захотел – пожалуйста. Но больно и обидно было долго, потому что я все-таки считал его своим лучшим другом. За выступления приходилось договариваться самому. Правда, после случая на том конкурсе, делать это было много сложнее, чем раньше. Но, тем не менее, в моем любимом баре меня всегда были рады видеть даже со старой программой – она была довольно обширной, а зритель постоянно менялся.

– Я добавку принесла, – икнув, возвестила меня Настя, хлопывая за собой дверь.

– Умница, – пошатнувшись, я направился к ней, хватаясь за стены. Выпили мы уже много, но останавливаться не собирались – Настя наконец-то закрыла сессию и успешно перешла на третий курс. Забрав у девушки бутылки, я приземлился обратно за стол, тут же закурил вторую и разлил жидкость по стаканам.

– Там такие о-о-очереди, – как-то возбужденно произнесла Настя, поднимая стакан. – А за что мы еще не пили?

– Не знаю, – честно ответил я.

– И я не знаю, – ответила девушка. Взгляд ее уперся в столешницу, где она будто пыталась вычитать какую-то подсказку на скатерти.

– Тогда давай за Нее! – чуть ли не крикнул я и тут же закрыл рот рукой, осознавая весь ужас, который только что совершил.

– За кого? – лицо Насти чуть-чуть напряглось, но, видимо, сил удерживать одно и то же выражение у нее не было.

– Ну за эту, как ее... Литературу! – нашелся я, и, стукнув своим стаканом об ее, моментально осушил сосуд. Девушка ответила тем же. Вроде обошлось.

На самом деле мысли о Ней почти покинули меня. Я был счастлив с Настей, проводил с ней практически все свободное время, не обращая никакого внимания на реакцию Вики. Последняя почти ничего мне не говорила – только силь-

но грустила и постоянно сидела дома, выходя только до магазина и на работу, изредка встречаясь со своей подружкой. Настя же до сих пор считала Вику моей двоюродной сестрой, и в ее голове, кажется, даже не могло быть мысли, что это неправда.

Но несмотря на то, что мыслей о Ней почти не было, я все же периодически предательски оговаривался то с Настей, то с Викой, вспоминая Ее. Да и если говорить совсем честно, то иногда я смотрел Ее страницы, изучая, что у нее нового и как она там в целом. Легче от этого не становилось, но поделаться с собой я ничего не мог.

– Настя, – позвал я девушку, наливая еще один стакан. – Настя!

Девушка уснула прямо на столе и храпела так, что стены дрожали, но я все равно счел это милым и поцеловал ее в лоб. Кое-как подняв ее на руки, я отнес Настю в кровать и мы уснули.

– Вставай, – кто-то сильно толкал меня, но вставать мне не хотелось. Голова жутко болела и гудела, делать ничего не хотелось. Хотелось только минералки или немного пивка.

– Принеси воды, – чуть живым, молящимся голосом промяукал я.

– Пусть Она тебе принесет, – голос Насти был грубым и жестким, как будто бы металлическим, железным. Я моментально протрезвел и практически вертикально подпрыгнул

из положения лежа. В меня прилетела моя же одежда, в которой я вчера пришел, а за ней тетрадки, сигареты и все остальное, что лежало на прикроватной тумбочке.

– Ты чего?! – до меня потихоньку доходили возможные причины такого поведения девушки, но я отказывался в это верить.

– Ты думаешь, я дура и нихуя не понимаю?! – Настя швырялась в меня всем подряд, что только попадалось под руку. – Ты! Постоянно! Ее! Вспоминаешь!

С каждым словом Настя кидала что-то тяжелое или била меня руками. Я не пытался никак защищаться, только спрята лицо в сгиб локтей, а виски закрыл ладонями.

– Да ты меня не поняла! Я не вспоминаю Ее!

– Не вспоминаешь? – зареванное лицо Насти вдруг застыло в гримасе непонятного мне ужаса. – Ты всю ночь звал Ее, всю ночь! Ты говорил во сне и звал Ее!

– Мне приснился кошмар! – оправдывался я, параллельно пытаюсь обнять девушку.

– Кошмар? Кошмар?! – Настя не давалась обниматься и продолжала меня бить. – Ты кричал Ей: «Да, да, еще, ну давай еще разок!». Кошмар, блять, кошмар?!

Настя прекратила бить меня и забилась в угол, скатившись по стене. Девушка закрыла лицо руками и снова зарыдала, отпихивая меня ногами. На этот раз я решил быть стойчивее и сел рядом, прижимая ее к себе и глядя по волосам. Настя пыталась отпихнуть меня, но я терпел каждый

удар с ее стороны, хотя иногда они были довольно болезненными. Сознание мое находилось еще в сонно-похмельном состоянии, поэтому полностью вникнуть в слова девушки не мог чисто физически.

– Мне просто приснилось, – пытался я успокоить девушку. – Тебе же тоже что-нибудь снится, наверное...

– Снится, – сквозь слезы произнесла Настя. – Но мне не снятся мои бывшие, по которым я до сих пор страдаю.

– Ты страдаешь по бывшему? – мой мозг по-прежнему отказывался воспринимать слова Насти. Девушка только посмотрела на меня, как на придурка, а затем снова отвернулась и продолжила плакать.

– А-а, – многозначительно протянул я, показывая, что понял, что она имела в виду. – Ну прости меня, я же не могу контролировать сны!

– Если Она тебе снится в таких ситуациях, то это значит, что ты о ней много и часто думаешь. Тебе не первый раз снится такое. Это четвертый или пятый случай, Саша. Я терпела, терпела, думала, мало ли что, мало ли за что ты переживаешь. Но я не могу так больше, Саш. Если бы ты хотя бы попробовал мне что-нибудь рассказать, я бы помогла тебе. Но ты этого не сделал. Я поняла все. И когда мы пьяные трахались позавчера, ты меня Ее именем назвал, понимаешь! Я не могу так больше. Уходи. Уходи, проваливай, катись, уебывай!

Настя громко кричала, пытаясь ударить меня побольнее,

стуча по мне ладонями, локтями и иногда даже лбом. Я не хотел верить в происходящее, но потоки слез Насти были такими обильными, что сложно было даже представить себе, как сильно я ее обидел и расстроил.

– Настя, прости меня, – неловко пытался я извиниться и наладить хоть какой-то диалог. Я не хотел, чтобы все заканчивалось так. Да и, в конце-то концов, приснилось и приснилось, что такого? Я же не изменял Насте с Ней в реальной жизни, я с Ней даже не виделся уже год! Всего себя я посвящал Насте, а взамен получаю это? Неужели я заслужил все это просто из-за каких-то пьяных оговорок и снов?

– Отстань от меня! – девушка наградила меня звонкой пощечиной, от которой щека моментально загорелась огнем, а голова закружилась. – Иди к своей дряни, а меня оставь в покое!

Настя подскочила и убежала то ли в ванную, то ли в туалет. Сложно описать то, что происходило у меня в голове и на душе. Я понимал, что, видимо, все-таки виноват, но не понимал, насколько справедливы были Настины обвинения. В конце концов, каждый человек оговаривается, когда пьян, да и неудивительно, что я оговаривался именно так – столько лет потратить, столько лет...

Оставляя все так, как оно оказалось, я не хотел, но и не знал, как вернуть все к нормальному состоянию, откатить к предыдущей версии. Сложно возвращать реку, вышедшую из русла, обратно, особенно будучи муравьем. Я закурил и

сел под дверь туалета, откуда раздавались рыдания девушки.

– Насть, ну послушай, Насть. Прости меня. Я не виноват и виноват одновременно, я понимаю. Послушай, пожалуйста. Я любил одну девушку, да, долго любил. Поэтому это все и вылезает во снах и оговорках, потому что столько времени потрачено было на нее. Насть, ну, прости меня. Я не хочу, чтобы все так заканчивалось. Просто... Это все было очень сложным для меня. Ты не знаешь, сколько я страдал, сколько я думал, сколько я сам себя поедал...

Дверь, скрипнув, начала открываться. Я подскочил и приготовился обнимать девушку, надеясь, что все обойдется и извинения приняты, но надеждам моим не суждено было сбыться. Настя смотрела на меня отстраненным, полным разочарования взглядом и все внутри меня разрушалось с невероятной скоростью. Эти разрушения можно было бы сравнить с последним днем Помпеев, с последствиями бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, аварией на Чернобыльской АЭС, да и, наверное, суммой всех ужасных катастроф, когда-либо произошедших с человечеством.

– Уходи, Саш. Уходи. Я не хочу тебя больше видеть. Ты Ее любишь, а не меня. И во мне, наверное, искал Ее. Уходи.

– Да что ты говоришь такое! – всплеснул руками я и попытался все-таки обнять девушку, неизвестно на что надеясь.

– Правду, – грустно улыбнулась Настя, выставив перед собой руку, не позволяя обнять ее. – Правду и только правду.

Прощай, Саш. Я не хочу тебя больше видеть. Прощай.

Минуты, которые я обувался и выходил на лестничную площадку, стали для меня бесконечными. Я шлепнулся на ступеньку, закурил и уставился в одну точку. Не было никаких сил, и желание было только одно – умереть. Ничего в моей голове не сходилась, мысли просто не помещались внутри черепной коробки, выливаясь из глаз обилием слез. Сердце болело и разрывалось от осознания происходящего. Слишком резко это случилось, слишком быстро. Боль была невероятно сильной, но я понимал, что это всего лишь жалкая, ничтожная разминка перед настоящими долгими и тягостными муками. Не понимал я только одного.

Неужели я виноват?..

Я закрыл лицо руками и окончательно дал волю слезам. Все то, что я строил уже не первую неделю и не первый месяц, обрушилось в один момент, как разрушаются от землетрясений и цунами города, как сотни и сотни осиротевших жителей теряют свой кров и все то, что они любили. Все, чему была посвящена жизнь, пропадает буквально в пару минут, максимум в пару часов. Слезы лились рекой и я не знал, что мне делать. Неужели я виноват?..

Настя была моим последним ключом к счастью, я был в этом уверен. Только одна девушка, не считая ее, могла бы утолить, взять под контроль, вылечить, наконец, мою боль, уничтожить все мои страдания. Но Она не хотела этого, а Настю я окончательно и бесповоротно потерял. Я хотел вер-

нуть девушку, но понятия не имел, как это сделать, с чего начинать, да и никто не может дать мне гарантий того, что у меня получится что-либо сделать, даже если я и придумаю что-нибудь.

– Вернулся он домой поздно, часов в девять, невозможно пьяный, – продолжила рассказывать Вика, уже закончив с кофе. – Знаешь, мне это так надоело тогда, так надоело...

Лера смотрела на подругу и боялась ее перебивать или вообще хоть как-нибудь трогать девушку. Вика была не похожа сама на себя – опухшее от слез лицо, дрожащие руки и голос, вещающий все это будто из могилы. Леру передернуло от таких мыслей и она продолжила слушать.

– Мы целый год жили вместе, Лер, целый год, – Вика уперла голову в ладонь и смотрела в стол, покачивая головой. – Первые два месяца все было хорошо. А потом невозможно. Просто невозможно. Постоянно уходил, пил, постоянно на нем были засосы, постоянно от него пахло духами бабскими! – Вика сильно разозлилась и стукнула кулаком по столу. Лера обратила внимание на руки девушки и с ужасом заметила, что кожа на костяшках сбита в кровь, а в некоторых местах на ладонях содрана кожа.

– И я терпела, понимаешь, – продолжала Вика. Очередной приступ плача накрыл ее, но она все равно говорила. – Как дура терпела. А в тот день решила, что все, хватит с меня. Я достойна лучшего отношения, а любовь эта токсичная и

больная как-нибудь пройдет. В конце концов, время лечит. Ну вот он пришел, а я ему высказала все, что думаю, схватила вещи и ушла. Ох, сколько же я и наговорила ему... Лер, пойдем, покурим?

– Так ты же не курила, – девушку сильно смутило предложение подруги. Видимо, произошло что-то слишком страшное.

– Со вчерашнего дня курю, – нелепо хохотнула Вика и достала из кармана пачку сигарет. – Так ты идешь?

Мысли грызли меня изнутри. Я уже не чувствовал ни тела, ни разума – алкоголь и тревоги выедали абсолютно все. К квартире я подходил пустым. В глазах моих не было былого огня, ноги отказывались держать на весу мое тело, а руки не могли даже подняться, чтобы открыть замок. Минут через десять безуспешных попыток осуществить проникновение в свою же квартиру я решился попробовать просто зайти. Оказалось, дверь все это время была открыта, и от неожиданности я даже упал на коврик.

– Приехали? – с самого порога Вика встретила меня, уперев руки в боки. Я лежал, не находя в себе сил встать и вообще что-либо делать.

– Помоги мне, – невнятно пробурчал я, валясь в куче обуви, упавшей с этажерки, которую, в свою очередь, уронил я. Туфли, кем-то заботливо натертые кремом, весьма неудачно расположились прямо у меня под щекой, из-за чего послед-

няя моментально стала черной.

– А ты мне помог? – тон Вики был очень злым и недобрым, но меня волновало только то, что я не могу встать. Несколько попыток не увенчались успехом и я продолжал валяться в груди кроссовок, кедров, туюфель и тапочек.

– Ты помог мне хоть раз? – Вика продолжала наседавать и, кажется, не собиралась останавливаться. – В кого ты превратился, Саша? Ты же встать не можешь даже самостоятельно, алкаш! Как ты еще квартиру не пропил?

– Не знаю, – язык еле-еле ворочался во рту. Горло пересохло, нестерпимо хотелось воды.

– Пойдем, поговорим, – Вика все-таки помогла мне встать и даже проводила до кухни. Я не помню, как мне удалось дойти, как я сел на стул. Очнулся я только тогда, когда вдохнул едкий сигаретный дым.

– Саша, я так больше не могу. Мне надоело твое вранье, надоели твои измены и пьянки. Ты был таким хорошим, Саша, таким волшебным. Я же люблю тебя, Саша, а ты так себя ведешь. Тебе не стыдно?

Со мной подобные разговоры уже разговаривала мама, лет эдак десять назад, поэтому я на автомате включил такое поведение, какое всегда включал в таких ситуациях. Надежды на то, что это прокатит в очередной раз, мягко говоря, стремились к нулю, но я старался не отчаиваться.

– Стыдно, – ответил я без капли моральных угрызений.

– Не видно, – Вика злилась и раздражалась все больше,

даже закурила сигарету. – Знаешь, я не намерена это терпеть. Переболит. А ты и дальше продолжай ебать своих шлюх, только знай, что дома тебя больше не встретят порядок, вкусная еда и девушка, готовая отдать за тебя все. Ты играешься со мной, обманываешь. Тебе это доставляет удовольствие?

– Ну я же не держу тебя, – пробурчал я и опустил глаза в пол. В голову влезли отвратительные мысли, но Вика их перебила.

– Не держишь? Ладно. Я уезжаю. Навсегда уезжаю. С меня хватит. Играй в свои игры без меня.

Было видно, что Вика готовилась к этому разговору давно и все слова, что она говорила, были чуть ли не заученными наизусть. Но больше всего меня напрягало не это.

Кем я стал? В один день меня бросили две девушки, причем обе любили меня. Кем я стал?

Ответ болтался в голове еще во время последних фраз Вики. И он был ужасен.

Я веду себя как Она, один в один. Я знаю, что человек любит меня, но играюсь с ним, обманываю, даю призрачные надежды в виде поцелуев, сна в одной постели, милостей и даже секса. Пожалуй, я даже не как Она. Я хуже.

От осознания всего этого я больше не мог сдерживать эмоции. Удары пришлись слишком близко к сердцу и с каждым ударом сосуда внутри него будто лопались, обливая все внутри кровью. Грудь заболела, а я закрыл лицо руками и заплакал. Старая рана, уже, казалось, затянувшаяся и зажив-

шая, внезапно разошлась, выпуская наружу весь гной, что скопился внутри.

Вика равнодушно проверяла сумки и рюкзак, осматривая квартиру на предмет забытых вещей, не обращая на меня никакого внимания. Я понимал ее, слишком хорошо понимал. Все это было мне так до боли знакомо, что в каждом ее слове, в каждом ее движении я узнавал себя, когда решался бросить общение с Ней. И от этого становилось еще хуже.

Дверь хлопнула, окончательно разрушая все надежды на хотя бы какой-то благополучный исход. Я хотел кинуться вслед за Викторией, на коленях умолять ее остаться, клясться в вечной любви и том, что никогда больше не буду ей врать, буду оберегать и хранить. Но что-то останавливало меня и я только и делал, что курил и плакал, плакал и курил.

Но последняя надежда все же оставалась. Я взял в руки телефон, с пятой попытки ввел пароль и еле-еле нашел в телефонной книге нужный номер. Впервые за год раздались гудки.

– Алло, – трясущимся от плача и алкоголя голосом начал я.

– Привет, брат.

Возвращение к истокам

Влад зашел в квартиру так же, как и обычно заходил – развязно, свободно, будто ничего и не было никогда, будто он никуда не пропадал. Привычно дал мне краба, приобнял, вальяжно развалился в кресле и закурил. Он был порядком пьян, но говорил гораздо разборчивее, чем я.

– Ну, привет, брат, – с улыбкой начал он, выдыхая дым в потолок.

– Где ты был? – напрямик начал я.

– Там, где никто не найдет, – Влад продолжал загадочно улыбаться. Такие ответы меня не устраивали, но я чувствовал какое-то бессилие перед ним, беспомощность, поэтому не смог настоять на своем.

– Рассказывай, что опять случилось, – Влад достал из своего рюкзака банку пива, пшикнул крышкой и с наслаждением отпил.

– Ты все испортил, – шепотом начал я, а глаза мои наливались кровью, когда в голове начали вспоминать детали нашего с ним разговора.

«Тебе сейчас помочь могут только несколько вещей».

«Водка».

«Стихи».

«Да баб побольше».

Побольше...

– Ты во всем виноват со своими формулами! – бессилие моментально испарилось, а алкоголь, казалось, выветрился. Я вскочил и стукнул кулаком по столу. – Ты во всем виноват!

Возможно, было глупо обвинять своего друга в своих собственных поступках, но ведь он подстрекал меня! Мы были виноваты оба – он за такие слова, а я за такие действия. Но Влад, видимо, так не считал – мой друг расхохотался в голос, поперхнувшись пивом.

– Ты уверен? – сквозь смех спросил он.

– Уверен, – железным голосом ответил я, скрипнув зубами.

– Ты смешной, – лицо Влада приняло серьезное выражение, а сам он напрягся и немного привстал. – А ты не думал, что ты сам несешь ответственность за свои поступки? Не приходила тебе в твою темную голову такая мысль, м?

– Приходила, – я был по-прежнему зол и с каждым его словом становился все злее. – Но зачем тогда ты говорил мне все эти формулы, все эти наставления, если ты знал, к чему это приведет?

– Ты сам себе это втюхал! – Влад начал орать на меня, уже полностью встав с кресла. – Ты сам придумал эти формулы, идиот!

Такого поворота событий я не ожидал. Какого хуя происходит? Я отчетливо помню, что он сам говорил мне эти слова, сам убеждал в своей правоте. Сам!

– Не пизди мне! – я тоже сорвался на крик и даже сжал

кулаки, приготавливаясь к драке.

– А ты подумай хорошенько, – издевательски сказал Влад и снова вальяжно развалился в кресле. – Хорошо подумай, напряги извилины. Вспомни некоторые моменты. Тебе ничего не показалось странным?

Я грузно осел в кресло и ушел глубоко в мысли. Долгое время в голову не шло абсолютно ничего, а затем воспоминания потихоньку стали приходить ко мне.

Почему редактор не замечал его?

Почему гаишнику потребовались мои документы, а не его?

Почему он моментально пропал, когда пришла Вика?

Почему наше физическое состояние всегда было одинаковым, будь то побои или опьянение?

Почему его машина осталась стоять во дворе, когда я помогал девушке с переездом?

Я не понимал, что значат все эти разговоры и от напряжения закурил. Взгляд мой уперся в одну точку, как и все мысли – бурный их поток остановился, упершись в тупик. Я вопросительно посмотрел на Влада.

– Что-нибудь понял? – Влад беззаботно попивал пиво и курил сигарету, с большим задором смотря мне прямо в глаза.

– Нет, – тихо-тихо ответил я. Бессилие снова вернулось ко мне. Руки безвольно опустились, голова поникла.

– Помнишь, что я сказал тебе однажды? – улыбаясь, с из-

девкой, спросил он.

– Ты много чего говорил...

– Я – это ты, мы с тобой одно целое, – улыбнулся Влад, допил пиво, кинул банку в сторону мусорного ведра, встал, еще раз улыбнулся мне и ушел, громко хлопнув дверью.

– И знаешь, Лер, мне показалось, что я погорячилась, – Вика продолжала плакать даже стоя на лестничной площадке. Ее хрупкое тело тряслось, сигарета часто выпадала из губ. – Может, стоило дать ему второй шанс? Он так плакал, когда я уходила...

– Да ты чего? – возмущению Леры не было предела. Девушка не понимала, как можно было терпеть такое целый год, а потом еще и заикаться о каком-то прощении. – Совсем с ума сошла? Он заслужил себе такую участь! Пусть мучается до конца дней своих, если у него есть хотя бы какая-то совесть!

– Но я все еще люблю его...

В интонациях Вики Лера услышала что-то не то.

– И что ты сделала? – с некоторым нажимом спросила она.

– На следующее утро я решилась снова вернуться в его квартиру.

Сначала я долго плакал, много курил и упивался алкоголем из запасов. Мысли в голове не помещались, поэтому растекались по всему телу, заползая в каждый уголок, каждую

клетку, даже самую дальнюю, больно укалывая по внутренним органам, отдавая болью в кончики пальцев, корни волос.

Потом я бил стены, сбивая костяшки на кулаках в кровь, сдирая кожу, лез на стены, кричал, как самый больной, самый запущенный пациент психиатрической больницы. Под раздачу попал даже пол – я пытался выгрызть куски линолеума. Зубы и руки болели невыносимо после этого, но я не обращал внимания – боль внутри была гораздо сильнее, чем эта хуйня.

Затем я сидел и пытался договориться сам с собой о том, что я не виноват, что это глупое, идиотское, дурацкое стечение обстоятельств. Во всем виноват этот придурок Влад, во всем виноват он!

После ко мне пришло осознание, что никакого Влада и не было никогда – все это выдумало мое больное воображение. Я никогда не был у него в квартире, никто из моих знакомых его не знал, а у него самого своих друзей никогда не было. Но не может такого быть, не может!

Потом я уснул, но спал недолго – в голову мою влезли очередные мысли по поводу истинного виновника всего этого торжества судьбы. Я вскочил с дивана, схватил пачку сигарет и кинулся писать. Строчки были неровными, рваными – я не успевал их записывать. Буквы, будто неровное, прерывающееся дыхание, ложились на бумагу, но я черкал и рвал, рвал и черкал, закидывал пол листами с бездарными, ничтожными, бесполезными и никому – даже мне – не нужными оборота-

ми слов. Уловить мысль, настоящую идею мне никак не удалось, но я чувствовал, что был уже близко, невыносимо, нестерпимо близко к истине, к идеалу, поэтому я выбрасывал строфу за строфой, безжалостно уничтожая собственное творение.

Не знаю, сколько прошло времени, не знаю, что произошло внутри меня, но поймать связь слов и строк я все же смог и теперь они лились более-менее плавным потоком. Я чувствовал себя в своей стихии, в своем мире, где я был творцом, где я был царем, где я был богом.

В конце концов, спустя полторы пачки выкуренных сигарет, потраченную ночь и килограммы макулатуры я все же смог создать то, к чему стремился, добился чего хотел, собрал буквы и строки в свое идеальное произведение. С облегчением я взял в руки телефон, зажигалку с сигаретой и пошел на балкон, стремясь найти успокоение и сонливость в листании ленты.

Часы показывали девять утра. Обычно в это время жизнь города уже бурлила вовсю, но сегодня что-то было не так. ТЦ, стоящий напротив, не моргал ни единым огоньком, а работники не спешили заходить в него. Мертвые глаза его неоновых вывесок, застывшие в предсмертной агонии крутящиеся двери на входе пугали меня. Я закурил. Курил и город – коптящие небо заводы, напоминавшие мне ранее легкие, теперь были похожи на отвратительные дешевые сигареты с мерзким табаком, и город кашлял ядовитыми смолами, тра-

вился никотином заводских труб. Трасса, оживавшая ранее каждое утро, застыла, как застывает кровь в жилах в мертвого человека, когда сердце прекращает гонять его туда-сюда. Деревья, кроны которых хоть и были зелеными, стояли неподвижно, будто не было даже никакого намека на ветер, будто дыхание города прекратилось, остановилось навсегда. Город умер и его внутреннее состояние я чувствовал гораздо лучше, чем мог еще почувствовать кто угодно другой.

За ночь, проведенную вместе со стихами, душа моя немного успокоилась. Я знал, что я сильный, и что справлюсь во всем случившимся. Я постараюсь извиниться перед Викой, постараюсь изменить все то, что натворил. С Владом, с плодом моих больных фантазии и воображения я попрошусь раз и навсегда, ведь он приходит только тогда, когда мне очень плохо. А я буду жить и радоваться тому, что жив, потому что жизнь – самое дорогое, что есть у человека.

Несколько раз я перечитывал стихи и даже собирался пойти за ручкой, чтобы исправить некоторые моменты, но сам останавливал себя в этом. Они такие, какие они есть. Одна из строк была бесстыдно украдена мной у одного из моих коллег по цеху, но я не переживал по этому поводу – зарабатывать этими стихами я не собираюсь.

Лента не радовала обилием смешных картинок или видео – попадалась одна сплошная туфта. Я зашел в любимые группы, но и они сильно снизили планку юмора. Единственным выходом было пролистать последние фотки оставшихся дру-

зей и знакомых. В конце концов, может, их эмоции передадутся и мне.

Листал фотографии я долго – солнце уже стояло высоко над моей головой, как всегда оно стоит по утрам в июле. Все фотки были обычными, ничем не примечательными, но я старался найти в них то, что уже тысячу раз обретал и терял – счастье. Честно признаться, у меня даже получалось, и получалось неплохо. Я дал себе обещание, что как только решу (ну, или постараюсь решить) проблемы с личной жизнью, обязательно отправлюсь в путешествие, стану меньше пить и больше гулять.

Я уже собирался было идти спать, потому что зевота потихоньку одолевала меня, а Морфей захватывал все больше и больше сознания, но мой взгляд зацепился за одну любопытную запись, которая ударила по мне сильнее, чем все, произошедшее вчера вместе взятое.

На фотографии была Она и был он. Они обнимались и целовались, их лица светились счастьем, как и вся обстановка вокруг. Такие фотографии были не редкостью для Нее, и я бы даже не обратил на нее внимания, если бы не одна мерзкая, ужасная деталь.

Фотография была свадебной.

Я тяжело вздохнул, взвесил все «за» и «против», последний раз кинул взгляд на умирающий, бьющийся в конвульсиях город, и ушел обратно в квартиру.

– Я решила вернуться к нему в квартиру, – продолжала Вика уже на кухне и спустя какое-то время – Лере потребовалось немало усилий и слов, чтобы хоть ненадолго остановить плач подруги. Вика лежала у девушки на плече и рыдала, из-за чего по футболке Леры растеклось большое мокрое пятно с черными вкраплениями от туши. – Я пришла к нему, хотела предложить ему сделать все так, как раньше. Подниматься по лестнице было тяжело, а входить в квартиру – еще тяжелее. Я выкурила много сигарет за ночь, много сигарет по пути до его дома, а перед дверью закурила снова. Собраться было невозможно сложно, ты не представляешь... – Вика снова зашлась в приступе плача, но быстро успокоилась. – Я постучалась, но никто не открывал и даже не отзывался. Ключи у меня были, но я не теряла надежды и стучалась до тех пор, пока из соседней квартиры не вышла какая-то бабка и начала угрожать полицией. Тогда я решила открыть дверь, но ключи в замочной скважине не поворачивались. Я охуела. Я толкнула дверь и она открылась. Ты даже не представляешь, как мне было тяжело... Я старалась идти медленнее, маленькими шагами, но меня всю трясло, сильнее, чем трясет сейчас. Его нигде не было – на кухне валялось много бутылок из-под алкоголя, а в пепельнице горкой навалены бычки. В его комнате пола не было видно – все было усыпано бумагой. Я подняла несколько клочков, но разобрать на них ничего было нельзя – все было перечеркано так, что мне даже показалось, что он просто тратил чернила, штрихуя непо-

нятные фигуры. На балконе его тоже не было, как и в спальне. И только тогда я услышала очень-очень тихую музыку. Я пошла на звук, стараясь найти его источник. Музыка привела меня к приоткрытой дверце кладовки. Я боялась заходить внутрь...

Девушка снова заплакала. Лера не знала, что ей говорить, да и вообще нужно ли что-то говорить. Девушка только обнимала подругу, прижимала к себе, гладила по волосам и приговаривала, что все хорошо. Лера не понимала, что такого там могла увидеть Вика, терялась во множестве догадок, начиная от пустой комнаты и заканчивая жестоким убийством с расчленением и так далее.

Вдруг Вика отстранилась от Леры. Лицо ее стало железным, а вся дрожь пропала. Опухшие красные глаза смотрели прямо в душу.

– Я зашла туда, а он там висит, – Вика говорила металлическим голосом, будто он принадлежал вовсе не ей самой. – Он повесился. А в руке лежала еще одна бумажка.

Лера не знала, как реагировать. Эмоции переполняли ее, но было неясно, как их выплеснуть, что сказать. Лера вообще ничего не понимала.

– Там были стихи, – продолжила Вика, не обращая внимания на замешательство подруги. – Отличные стихи, замечательные. Я перечитывала их сотни раз, и каждый из них я поражалась тому, как они написаны.

– И что там было? – шепотом, заикаясь, спросила Лера.

Вика прокашлялась, собралась с духом и начала читать, вкладываясь в каждую строчку, каждую букву.

*Дни наши сочтены не нами.
Об этом, верно, знаешь ты.
А вот они о том совсем не знали.
Кто, спросишь? Мертвые цветы.*

*Они недолго в вазе увядали,
Напоминая сумерки тех самых дней.
Не открывали радостные дали,
Не зажигали ночью фонарей.*

*Сидишь на кухне ты. Их мертвый аромат
Тебя уносит далеко за грани.
Вдруг бьет небесный громовой раскат
И ты упала на пол, будто в яму.*

*Нет-нет, ты не боишься грома,
Тебе не страшен был той молнии разрыв.
Она тебе не принесла урона.
Зачем же плачешь ты тогда навзрыд?*

*Тебе ударили под дых те времена?
Опять попала во владения флешбека,
Как были вместе наши имена*

И я был самым нужным человеком.

*И только твое слово меня лечит.
Тогда нужны мы были друг для друга.
Я нежно-нежно трогал твои плечи
И знал, что никогда нас не забуду.*

*Когда тебе все время хорошо
И с каждым днем становишься милее,
Как радовалась, когда я пришел
И сразу же кидалась мне на шею.*

*Мы были друг для друга маяком,
Помножившим на ноль загадки темноты.
Потом я стал обычным дураком,
В руках держащим мертвые цветы.*

*А он поднимет тебя, обнимет,
Уложит в вашу кровать.
Вытрет слезы, шторы задвинет,
Не даст одной засыпать.*

*Он томно тебя поцелует в шею,
Успокоит, погладит, где надо,
Все твои страхи развеет,
И, конечно, всегда будет рядом.*

*Он разгребет твой бардак в голове и квартире,
Он будет знать тебя от и до.
Он будет лучшим мужчиной в мире,
Кроме... ну, ты сама понимаешь, кого.*

*А ты, его руку сжимая,
Будешь мечтать о другой.
Поникнешь, сильно скучая,
Красивой своей головой.*

*Но сколько бы ты не грустила,
Не гуляла в ужаснейший дождь,
Нас судьба никогда не простила.
Нас уже никогда не вернешь.*

*Мы с тобою вместе потухнем,
Нам воздвигнут навеки кресты.
И на твоей миленькой кухне
Будут лежать мои
Вечно
Мертвые
Цветы.*

Лера слушала, затаив дыхание. Она сопереживала каждой строчке, которую читала Вика. Сама же девушка вся отдава-

лась стихам, закрыв глаза и так расставляя акценты, что позавидовал бы любой чтец. Слезы стекали по ее щекам вниз, к подбородку, откуда переползали на шею и продолжали свой путь куда-то за одежду. Лера никак не могла понять смысл всей этой истории, никак не могла понять, почему все кончилось именно так. Почему он принял такое решение? Неужели настолько сильными бывают чувства?

За окном рассвело.

Это было обычное теплое июльское утро.